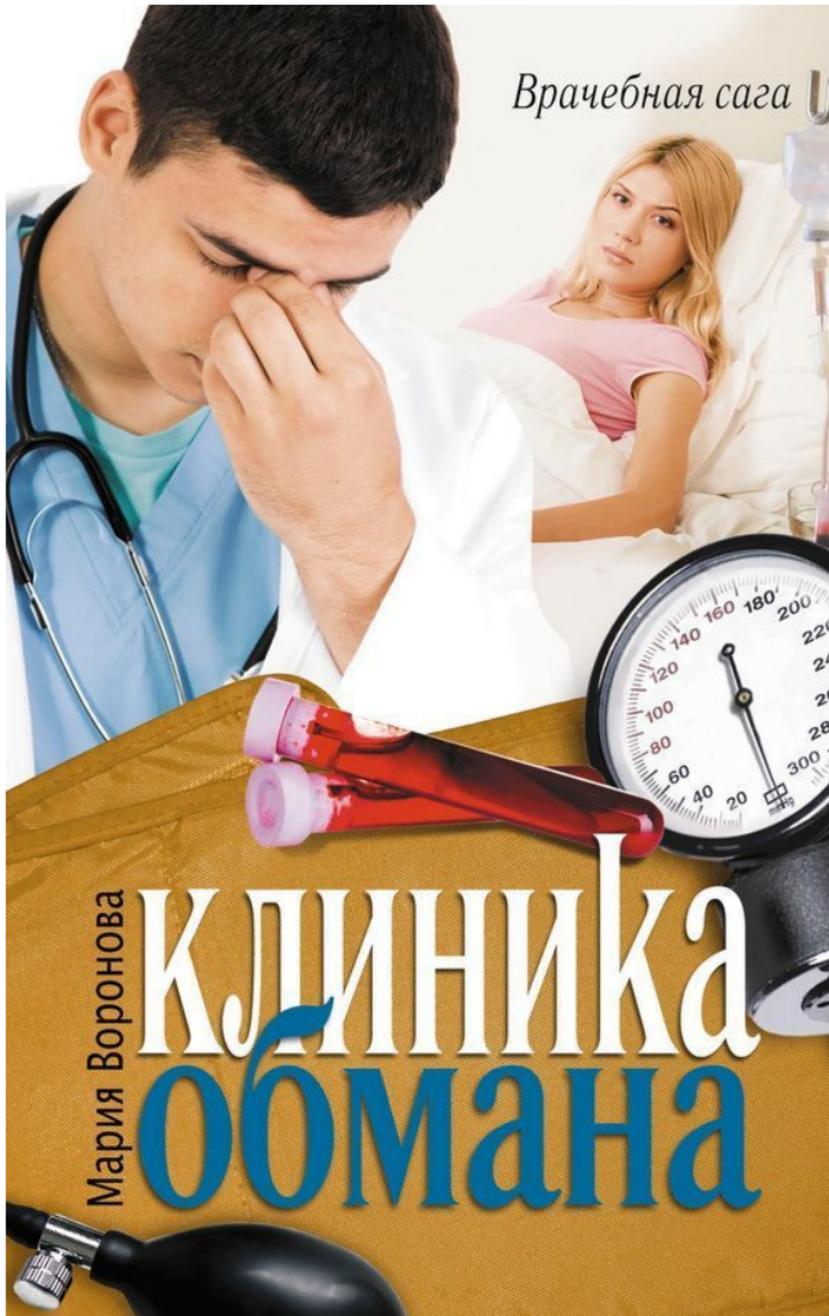

Врачебная сага

Мария Воронова

Клиника Обмана

Мария Воронова
Клиника обмана
Серия «Врачебная сага»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3942565

Клиника обмана: Астрель; М.; 2012

ISBN 978-5-271-44433-3

Аннотация

Дочь крупного бизнесмена Аня Сумарокова, врач-реаниматолог Лада, вырастившая Аню после смерти ее матери, подруга Ани красавица Катя – три женщины, и у каждой свои беды и свои тайны. Как тесно и порой трагически-непредсказуемо переплетаются судьбы совершенно разных людей!

Все мечтают о счастье, но все ли его дождутся?

Эта книга Марии Вороновой о том, к чему ведут любовные иллюзии, и о том, как важно прожить свою, а не чужую жизнь и не пропустить настоящую любовь

Книга также издавалась под названием «Любовь в режиме ожидания».

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	17
Глава третья	44
Глава четвертая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Мария Воронова

Клиника обмана

Часть первая

Глава первая

К вечеру пошел снег, но не потеплело. По радио сказали, что холод приполз из Скандинавии и продержится еще как минимум двое суток.

Выскочив из промерзшей маршрутки с ободранными сиденьями, Лада поглядела по сторонам и перебежала скользкую проезжую часть наискосок – прямо к дому.

В подъезде энергично потопала ногами, стала отряхивать снег с капюшона.

– Здравствуйте, Лада Николаевна! – Пожилой консьерж с военной выправкой знал по имени-отчеству всех жильцов, их родственников и даже гостей. – Вам щетку дать?

Она улыбнулась, помотала головой.

В зеркальном лифте придирчиво взгляделась в свое отражение. Нос, понятное дело, красный – стацив перчатку, она потерла его ладонью, поправила некрасиво повисшую прядь волос. Увы, финский пуховик, купленный всего-то год назад,

в этом шикарном лифте тоже смотрелся неважно... Сюда надо шубу! Норковую!

Еще недавно о норковой шубе и речи не шло. Лада работала реаниматологом в обычной городской больнице. Она работала хорошо, ее любили и пациенты, и сотрудники, но к покупке шубы это отношения не имело.

А полгода назад она получила предложение из клиники эстетической медицины «Клеопатра». И не просто предложение, а «с отличными перспективами», как выразился хозяин «Клеопатры» знаменитый пластический хирург Яков Розенберг.

Это, конечно, была игра случая. Прошлой весной Розенберг в качестве пациента угодил в больницу, где Лада работала. А потом от него поступило это самое предложение. Сохранив за собой полставки дежурного реаниматолога – «для души», – Лада согласилась. Ей давно хотелось перемен в жизни. Правда, мечтала она о других переменах...

Звякнул электронный сигнал, двери лифта бесшумно открылись.

Аня стояла на пороге квартиры.

– Ладочка! Как ты добралась? Почему отказалась от машины? Ты же, наверное, ужасно замерзла? – затараторила она, помогая Ладе снять пуховик.

Потом в зеркале холла отразилась высокая полная женщина, обнимающая девочку-подростка. Девочке лет четырнадцать, женщине... тридцать с хвостиком. А то и с длин-

НЫМ ХВОСТОМ.

– Аня, дай же пройти! – Сев на низкий пуф, Лада нагнулась и принялась стаскивать сапоги. Оставшись в одних чулках, активно задвигала пальцами ног. – Знаешь какой мороз на улице?

Быстрым движением она сунула холодную руку Ане под кофточку. Девочка с визгом и смехом отскочила.

– Так почему же ты от машины отказалась? – переспросила она, оставаясь на безопасном расстоянии.

Лада подмигнула:

– Мы, люди дела, не можем располагать собой. Я же не знала, когда освобожусь. Да ладно, тут на маршрутке двадцать минут. Правда, наши маршрутки – это что-то!.. Ничего, вот куплю машину, буду приезжать к тебе сама, как королева.

– Ты бы сначала хоть на курсы водительские пошла!

Лада привычным жестом вынула из ящика красивые кожаные сабо и вздохнула:

– Когда мне? Я после работы учусь, только сегодня выходной выдался. Я ведь теперь и.о. зав клиникой.

– Кто-кто? – Аня не поняла и засмеялась.

– Исполняющий обязанности заведующего. – Лада тоже засмеялась. – Ну, чем займемся? Хочешь, проверю твой дневник?

– Давай, а то надоело уже папину подпись подделывать. Заодно сможешь мне с заданием по химии.

Закончив со школьной премудростью, обе перешли из Аниной комнаты в гостиную.

Гостиная Сумароковых представляла собой просторное помещение с белыми стенами, кожаными диванами, большим обеденным столом и обязательной горкой, набитой антикварной посудой. Хозяин дома давно жил без жены, но в гостиной не было ни лосиных голов, ни холодного оружия, ни коллекции спортивных наград. Главной достопримечательностью здесь был настоящий камин, как в английском фильме, – с решеткой, экраном и специальными креслами, сидя в которых так приятно смотреть на огонь! На мраморной каминной полке стояло множество фотографий Ани, Валентина и его покойной жены.

Несколько лет назад Сумароков выстроил коттедж под Сертоловом, и знакомые посоветовали ему каминного мастера. Валентин остался настолько доволен его работой, что пожелал иметь камин и в городской квартире.хлопот было много, но мастер не подвел, справился.

Лада села в кресло и протянула руки к огню.

– Будем ужинать? – Аня подошла сзади и обняла ее за плечи.

– А папа?

– Сказал, чтобы мы его не ждали.

– А! – Лада так и не поняла, удалось ли ей скрыть разочарование. – Ну что ж, давай.

Аня не позволила Ладе участвовать в хозяйственных хлопотах, зато приготовила для нее кампари с апельсиновым соком. Но сидеть в гостиной и прихлебывать аристократическое пойло было скучно. Взяв стакан, Лада вслед за Аней отправилась в большую, напичканную современной техникой кухню, села за стол и стала наблюдать, как девочка ловко разогревает котлеты и режет овощи для салата.

Аня вдруг отложила вилку и тяжело вздохнула.

– Ты что, Анята?

– Слушай, я хотела тебя спросить... Есть один мальчик...

Лада улыбнулась:

– Ну-ка, ну-ка, расскажи!

– Да нет, это другое. Я его в больнице видела...

Лада тут же перебила ее:

– Если бы ты знала, как мне не нравятся эти твои посещения больницы! О чем только думает твой отец! Обязательно нужно помогать туберкулезным больным, будто других нет!

– А кому хуже, чем им? Сама знаешь.

Лада вздохнула. Конечно, она знала. Как и в девятнадцатом веке, в двадцать первом туберкулезом болеют самые бедные... В годы перестройки заболеваемость резко возросла, заговорили даже об эпидемии. Государство отреагировало как обычно – приняв символические меры, но зато распиарив их на полную катушку. Ну а после громких деклараций как-то неудобно говорить, что эпидемия продолжается. По-

этому сделали вид, будто туберкулеза больше нет, что понятно как отразилось на финансировании...

Год назад Аня поехала в туберкулезную больницу навестить одноклассницу, попавшую туда на обследование. Ницета, которая царила в детском отделении, ужаснула впечатлительную девочку. В тот же вечер она уговорила отца, который уже всерьез задумывался о шефстве над тяжелобольными, помочь отделению. Валентин согласился ежемесячно перечислять больнице определенную сумму. Но этого Ане показалось мало, она захотела сама общаться с больными детьми, узнавать обо всех их нуждах и облегчать по возможности их участь. Никакие запреты на нее не действовали – эта девочка умела проявлять железную волю.

За год отделение изменилось до неузнаваемости: на деньги Сумарокова сделали ремонт, закупили современное медицинское оборудование и кровати. Аня посещала больницу каждую неделю, и Лада теперь иногда просыпалась по ночам в тревоге за нее. С точки зрения медицины это был неоправданный страх, прививка и здоровый образ жизни должны были защитить Аню от заражения, но Лада боялась за нее, как простая обывательница.

– Агриппина Максимовна говорит, что этот мальчик умрет. Лада, ты не представляешь, как мне его жалко!

– Ох, Анечка, если бы ты знала, сколько народу я проводила на тот свет и как мне всех их было жаль... Но есть вещи, которые мы не можем изменить. Знаешь какая первая

заповедь врача? Нельзя умирать с каждым больным.

– Но твои больные были, наверное, старые, а это ребенок! – запальчиво возразила Аня. – Может, ты знаешь какого-нибудь доктора?

– Агриппина Максимовна очень хороший врач. Я уверена, она использовала все возможности. И проконсультировалась со всеми специалистами. Ты хочешь обидеть ее, пригласив доктора со стороны?

– Я хочу, чтобы он поправился, больше ничего! А она, между прочим, сказала, что будет рада любой помощи. Лада, ты же знаешь всех самых лучших врачей!

Аня вскочила приготовить чай. Открыв дверцу навесного шкафа, она среди множества пачек безошибочно выбрала любимый сорт Лады – зеленый с лимоном. Достала пачку и показала Ладе. Та кивнула.

Ее давно перестало удивлять, как Аня, четырнадцатилетняя девчонка, другими словами, человек, пребывающий в самом безмозглom и эгоистичном периоде жизни, запоминает чужие вкусы и пристрастия.

Однажды Лада пришла в этот дом вместе с Розенбергом. Узнав о ее тесной дружбе с Валентином Сумароковым, директор клиники напросился в гости, надеясь нащупать почву для делового сотрудничества. Аня, как всегда, хозяйничала за чайным столом. Розенберг сказал, что чай он пьет «черный, крепкий, с лимоном, две ложки сахара и чуть-чуть не доливать до краев». Вечер прошел в оживленных разгово-

рах, мужчины понравились друг другу, но совместный бизнес так и не затеяли. Однако мысль об этом не оставляла Валентина, и через полгода он сам пригласил Розенберга. Когда перешли к чаю, гость начал было: «Мне, пожалуйста, черный...», но Аня остановила его спокойным: «Да, я помню», – и подала чай именно так, как он любил! Розенберг чуть не подавился и весь оставшийся вечер поглядывал на девочку с опаской.

– Прошу тебя, помоги! – сказала Аня, сев напротив Лады и глядя на нее умоляюще.

– Да чем же я могу помочь? Всех светил в туберкулезе Агриппина знает лучше моего.

– Но Агриппина же старая! Она могла про кого-нибудь забыть!

Лада вдохнула аромат чая, поставила чашку на блюдце, задумалась.

– Знаешь, есть у меня один знакомый... Правда, он не фтизиатр...

– Зачем он тогда?

– Профессор Колдунов – замечательный врач! Он вытащил не одну сотню крайне тяжелых больных, на которых остальные доктора махнули рукой. Его можно смело назвать личным врагом смерти. Если хочешь, давай позвоним ему прямо сейчас.

– Ох, Ладочка, пожалуйста!

Пришлось идти в холл, искать в сумке сотовый. Аня ждала

ее у стационарного аппарата, подпрыгивая от нетерпения и молитвенно сложив руки.

Услышав резкое «алло!», Лада включила громкую связь.

– Ян, ты можешь сейчас разговаривать? – спросила она.

На другом конце провода помолчали, потом тяжело вздохнули:

– Только недолго.

– Тогда перехожу к делу. Только сразу не говори «нет», хорошо?

– Я ж не девушка, чтоб так говорить! Короче, что надо?

Аня испуганно покосилась на Ладу: разве такой нелюбезный профессор согласится помочь? Лада ободряюще похлопала ее по руке.

– Надо больного проконсультировать, – сказала она.

– У-у-у... не знаю... – донеслось из динамика. – Я ж на трех работах, незнамо сколько дома не был. Он может сам приехать в академию?

Аня вытянула руку перед лицом Лады и энергично потерла пальцами.

– Тебе хорошо заплатят. – Заметив, как Аня трясет головой, Лада быстро добавила: – Очень хорошо.

– И привезем вас туда-обратно! – крикнула Аня.

– Да, и транспортом обеспечим. Соглашайся!

– А что за случай-то?

– Ну, не совсем по твоему профилю... – Лада замялась. –

Но ты же универсал. Распространенный туберкулез.

В динамике засмеялись:

– Ладушка, ты что, перегрелась на руководящей работе?

– Ян, ты же в Чечне был...

– В Чечне я был, но единственное, чего я там ни разу не видел, – это туберкулеза в последних стадиях. Поэтому моя консультация бессмысленна. А посоветовать, пожалуй, тоже никого не посоветую. Я далек от этой отрасли.

Аня поджала губы, а потом снова потерла пальцами и изобразила в воздухе большой квадрат.

– Целый чемодан денег! – перевела Лада. – Хотим только тебя, все спецы по туберкулезу уже сказали свое веское слово. Ян, ты у нас последняя надежда!

– Если ты думаешь, Лада, что я возьмусь оперировать после того, как отказали фтизиохирурги, так нет. В туберкулезе нужно жизнь прожить, знать его и чувствовать. Там дело не только в объеме поражения, но и в биологических характеристиках туберкулезной палки. Фтизиохирурги знают повадки этого зверя, я – нет.

– Ты тоже у меня когда-нибудь чего-нибудь попросишь... – заныла Лада.

– Подтяжку лица? Силиконовую грудь? Вряд ли. Не кадючь, не поеду. Во фтизиатрии работают святые люди. Настоящие святые, без дураков. Пашут за одну зарплату, ибо кто у них основной контингент? Бомжи и зэки. Но фтизиатры спасают их, прекрасно зная, что единственное, чем пациенты их наградят, – это какая-нибудь особо устойчивая фор-

ма бактерии Коха. Поэтому их мнению я доверяю безоговорочно.

– Ну пожалуйста...

– Если я явлюсь и начну давать советы по лечению, то только обижу их. А я не хочу обижать людей, которыми восхищаюсь. Если твоим знакомым бабки некуда девать, пусть лучше заплатят лечащему доктору.

Аня всхлипнула. Лада понимала, что Колдунов абсолютно прав, пожалуй, он знает о туберкулезе немногим больше среднего обывателя, и его консультация вряд ли будет полезной, но ей вдруг страстно захотелось показать ему ребенка. Может быть, потому, что она пообещала Ане чудо, а визит профессора мог дать хотя бы кратковременную надежду?

– Ян, они уже все перепробовали, – тихо сказала она. – Готовы прислушаться к самой дикой идее, самому маразматическому плану лечения.

– И значит, я самый крупный маразматик в городе, раз ты обратилась именно ко мне? – захохотал Колдунов. – Пожалуй, в следующий раз так и напишу в резюме для справочника «Кто есть кто? Медицина Петербурга».

– Ян, ты действительно наша последняя надежда. Ты обязательно что-нибудь придумаешь. Вдруг поможет? Ведь иначе ребенок умрет.

В динамике раздался тяжелый вздох.

– Ладно, хрен с вами со всеми, – брюзгливо произнес профессор, – поеду. Адрес говори.

– Тебя привезут!

– На метро быстрее, моя жена давно уже по городу на машине ездить перестала. У меня тоже нет ни малейшего желания в пробках торчать. Правда, я не уверен, что завтра успею в течение рабочего дня. Пусть там предупредят дежурного врача, что я приеду.

– Ян! Спасибо! – в восторге закричала Лада. – Называй гонорар!

– Я еще не оборзел, чтобы с детей деньги брать, – мрачно ответил динамик. – Тем более за консультацию, которой можно будет только подтереться.

– Ты что, тоже святой?

– Нет, конечно, но почти такой же хороший, как наш губернатор.

– Это ты о чем?

– Да мы тут недавно новости смотрели, как губернатор навещает детский диагностический центр. И вдруг видит преЙскурант на платные услуги. Ах, говорит, какой ужас, неужели вы с детей деньги берете? А заведующая, вместо того чтоб честно ответить: да, приходится, ибо при нашем финансировании даже на расходные материалы не хватает, не говоря уже обо всем остальном, – смутилась и залепетала: ой, это только на добровольной основе, платят только те, кто сам хочет... Чем заслужила от губернатора порицание. Чтобы порицать других, я, конечно, рылом не вышел, но кое-что могу... В общем, адрес давай.

– Я сама с ним поеду, – зашептала Аня. – Он не найдет,
там забор такой глухой...

Глава вторая

Последнее время Витя Сотников спал очень чутко. Новенький мальчик накрыл голову одеялом и подушкой, но его плач все равно разбудил Витю.

Он встал и, стараясь ступать как можно тише, подошел к новенькому.

– Ты чего реवेशь?

Мальчик лет семи-восьми выбрался из своего гнезда. В темноте было плохо видно, но Витя понял, что он испугался. Ясно, от этого угрюмого тощего парня он не ждал ничего хорошего.

– Не бойся, – буркнул Сотников. – Ты первый раз в больнице?

Ребенок только судорожно вздохнул.

– Пойдем, попьешь водички. Тапки надень и рубашку. И не шуми! – зашипел Витя, когда мальчик, боясь промедлением разозлить его, спрыгнул с кровати.

Кое-как одевшись в темноте, они вышли в коридор. Сестра оставила только ночные лампы, а на дальнем посту включила кварц, и новенький испугался тревожного фиолетового света. Витя протянул руку, и маленькая ладошка сразу ухватилась за нее.

Мимо спящей на диване сестры они прокрались в буфет. Яркая луна была прямо в высокое окно, так что видны были

и разделочный стол, и огромная железная мойка, и деревянный шкаф для хлеба. Сквозь переплет окна лунный свет ложился на пол квадратами, будто кто-то расчертил площадку для игры в классики. Витя достал из угла стул – фанерку на тонких железных ножках – и усадил мальчика. Внезапно с недовольным рокотом затрясся холодильник, новенький вздрогнул.

– Сказал же, не бойся! – Витя откинул с сушильной решетки пеленку, казавшуюся неправдоподобно белой в свете луны, взял две кружки. Эти эмалированные кружки с цветочками на боку и черными ободками внезапно напомнили ему собственное детство, детский сад. – Что будешь: кисель, кефир? Хотя холодное тебе нельзя.

В холодильнике ровными рядами стояли рожки со специальным, приготовленным на местной кухне лечебным кефиром. Как ни странно, дети его любили и охотно разбирали сиротского вида бутылочки с марлевыми пробками. Но кефир должен был выстояться хотя бы два часа при комнатной температуре. То же относилось к фруктам.

Витя взял из ящика маленький половник и осторожно снял крышку с огромной алюминиевой кастрюли, стоящей на подоконнике. На крышке масляной краской цвета запекшейся крови были криво выведены страшные письма «1 Д.О.», что означало первое детское отделение.

Он согнал пленку с поверхности киселя и наполнил кружки густой жидкостью цвета заката.

– На, попей. Булочку хочешь?

Мальчик всхлипнул и помотал головой. За время экспедиции он, боясь расплакаться, не сказал ни слова.

– Да все нормально будет у тебя, вылечишься.

Витя сполоснул кружку, но оставил ее в мойке – после него, бацилловогоделителя, посуду нужно специальным образом обработать. Дожидаясь, пока мальчишка допьет свой кисель, он лег животом на широкий подоконник. Странно, какая яркая сегодня луна, прямо буйная! Подмигивая то красным, то белым огоньком, летел самолет. В ночной тишине простучали колеса поезда, а когда стихли, стало слышно, как из крана мерно капает вода... Ребенок вздохнул басом прямо у Вити за плечом и устроился рядом.

Они лежали животами на холодном подоконнике и молча смотрели на заснеженный парк, пугающе белый в молочном свете луны.

– Ладно, пойдем, а то простудишься еще, – сказал Витя.

Мальчик послушно спрыгнул с подоконника и сам протянул Сотникову руку.

В палате новенький немного повозился, но вскоре утих – наверное, заснул. А Вите не спалось. Чувство стыда все сильнее мучило его. За время бездомной жизни он почти забыл, как это – стесняться собственных поступков. Сегодня он жестоко обидел человека, желавшего ему добра. Он вновь и вновь прокручивал в голове события прошедшего дня...

...Витя оглянулся и осторожно приоткрыл дверь. Внимательно осмотрел письменные столы, заваленные стопками историй болезни, фанерную изнанку книжного шкафа, перегораживающего ординаторскую, буйно цветущие кактусы на подоконнике... Прислушался. Кажется, пусто.

– Здравсте! – громко сказал он на всякий случай и подождал секунду. Никто не ответил.

Тогда Витя подошел к столу заведующей. В большой хрустальной пепельнице скопилось много окурков, он выбрал самые длинные. Иногда ему везло: стоило Агриппине Максимовне закурить, как ее вызывали по каким-нибудь срочным докторским делам, и на бортике пепельницы оставалась почти целая сигарета...

Врачи детского отделения были очень беспечны, ординаторская вечно стояла открытой, и, зная распорядок дня, Витя вполне мог бы красть сигареты и даже деньги, но он еще никогда не опускался до воровства.

Витя взял свою куртку и поплелся в садик, чтобы спокойно покурить на скамейке, не опасаясь, что его застукает медсестра.

Недолгое путешествие далось с большим трудом, ноги в разбитых ботинках промокли, мартовский ветер дул зло и холодно, а на скамейке лежал толстый слой обледенелого снега. Кое-как Витя расчистил маленький пяточок и уселся, зная, что от озноба ему все равно не спастись.

Вытащил свои сокровища и любовно разложил их в ряд

на ладони. Сейчас выкурим самый длинный, потом самый короткий, а средние оставим на вечер. Надо бы сходить во взрослый корпус, поклянчить у мужиков спичек, но хватит ли у него сил для такой экспедиции?

– Сотников! – прогремело над ухом, и Витя повернулся, привычно удивляясь, как у такой маленькой старушки может быть столь грозный бас.

– Я вышел погулять, Агриппина Максимовна, – сказал он, быстро пряча окурки в карман.

– Ну да! – Заведующая, бабуська лет семидесяти, сверлила Витю грозным взглядом. – Ты куришь, маленький негодяй!

– Нет, Агриппина Максимовна, – жалко возразил он.

– Ты понимаешь, что для тебя сигарета – это смерть? – Старческая рука с неожиданной силой залезла к нему в карман и выудила оттуда все текущие запасы. – Тем более окурки, это же вообще яд несусветный! А я смотрю в окно, думаю, чего это Витенька в такую погоду воздухом подышать захотел!

– Да отвяжитесь вы уже от меня, – буркнул Сотников, закашлялся и сплюнул на снег.

Заведующая тут же нацепила на нос очки и пригляделась.

– Без крови, – с удовлетворением сказала она и вытащила из кармана пачку, – ладно, на, кури. Сама тысячу раз бросить пыталась, знаю: когда курева нет, гораздо больше тянет.

Она прикурила вместе с ним и глубоко затянулась.

– Но суть не в том, что нет сигарет, а в твоей воле. Возьми себя в руки, Витя! И кстати, ты почему в школу не ходишь? Учителя жаловались, они же специально готовятся.

– Не буду я никуда ходить! На хрена? Мне все равно помирать скоро.

– Витя!..

– Что – Витя? Я же слышал ваши обсуждения! Да и без них уже все понятно!

Помолчали. Агриппина Максимовна неловко похлопала его по плечу. Понимала, что переубедить парня все равно не сможет.

– А как ты думаешь, – вдруг спросила она, – мне ведь тоже немного осталось?

– Да Бог с вами! – испугался Витя, в глубине души прижатый к старушке.

– Бог не Бог, а мне ведь восемьдесят лет!

– Сколько?!

– Восемьдесят, голубь! Может, через годик помру, а может, завтра. Но я же не сижу вот так и не курю целыми днями в ожидании этого прекрасного момента. Живу, пока живется. Работаю. Даже журналы медицинские читаю и на курсы повышения квалификации хожу. А, Витя?

Он внимательно осмотрел свою сигарету, от которой остался один фильтр, и с сожалением выкинул.

– Не лезьте вы ко мне! И так херово.

Заведующая покачала головой, дала ему несколько сига-

рет, и они вместе пошли в отделение.

За два месяца болезни Витя привык к постоянной температуре и ознобу, но сегодня его колотило больше обычного. Он зашел в буфет, попросил стакан горячего чая, но легче не стало. Можно было обратиться к сестре за уколом жаропонижающего, но на заднице уже не было живого места от инъекций, поэтому Витя разделся и лег в кровать, надеясь уснуть. На тумбочке лежало большое красное яблоко и пакет с пирожками – сотрудники, зная, что Витю никто не навещает, подкармливали его, но большая часть даров отправлялась на помойку: во-первых, кухня на отделении и так была отличной, а главное, у него последнее время окончательно исчез аппетит. От постоянного жара Витя не чувствовал вкуса еды, и чем бы ни кормили, ему казалось, что он жует вату, размоченную в тухлой воде.

Заснуть не удавалось, между тем все вокруг, наоборот, пришли в движение. Дети вскакивали с коек, причесывались, сестры заглядывали в палату, и из коридора доносился звук их хлопотливых шагов. Даже Агриппина Максимовна забежала проверить, все ли в порядке.

«Ой, бля, – подумал Витя, натягивая одеяло на голову, – сейчас же эта сучка заявится! Как я забыл?»

«Эта сучка», другими словами, Анна Валентиновна Сумарокова, была ненавидима Витей страстно и люто. От одного вида этой девчонки сердце сжималось в горькой злобе, а

взгляд ее жемчужно-серых глаз жег Витю хуже адского пламени.

Больше всего на свете ему хотелось схватить ее за толстую русую косу и макать лицом в самую глубокую и грязную лужу, пока она не сообразит, что хватит уже сюда ходить и изображать мать Терезу! Частенько он в красках представлял, как это будет, как она зарыдает и убежит, а он станет кричать ей вслед самые грязные и обидные слова! Возьмет ее чертову сумочку и пинком запустит в самую грязь, так, чтобы все высыпалось, а она чтобы ползала и собирала...

Пожалуй, только курево да эти фантазии скрашивали ему остаток жизни.

Он надеялся, что когда-нибудь наберется духу и... ладно, окунуть в лужу сил не хватит, но хотя бы заедет ей по физиономии! Чтобы не строила из себя и не думала, что все тут ноги ей готовы целовать за ее вшивые благодеяния, которым цена – копейка!

К несчастью, Сотников был в отделении единственным, кто придерживался подобных мыслей. Остальные во главе с Агриппиной Максимовной просто молились на Сумарокову и только что не почитали ее святой. Они не понимали, что сучка таскается сюда именно ради этого поклонения, а на самом деле ей глубоко плевать на больных детей! Вот так!

Анна была дочерью богатого человека, который, не веря в официальную благотворительность, взял на себя заботу о детском отделении туберкулезной больницы. Сам он да-

вал только деньги, а практические хлопоты доверил несовершеннолетней девчонке! Зачем, спрашивается? Агриппина Максимовна и сама могла бы распоряжаться деньгами, не унижаясь перед малолетней дурой. Если Витя еще во что-то верил, то только в безукоризненную честность заведующей. Но сучка приходила каждую неделю, шушукалась с Агриппиной, а потом перлась на обход, как будто она не обычная девка, а профессор. Спрашивала каждого больного ребенка, как он себя чувствует да чего бы ему хотелось, записывала в блокнотик, и через день в отделение действительно передавали игрушки, книжки и лакомства. С самыми маленькими детьми она играла, причем подолгу держала на руках, особенно тех, у кого не было родителей. Когда затяжелел один детдомовский малыш, Анна приезжала каждый день ухаживать за ним, и ребенок поправился.

Проходя мимо бокса, в котором лежал тяжелый ребенок, Витя видел в окошко, как она его баюкает, и чувствовал, что готов разорвать ее на куски за то, что она притворяется доброй и хорошей.

«Я тоже мог бы быть таким благородным при богатом папаше! – желчно думал он, высаживая на черной лестнице окурок за окурком. – Также одарял бы всех нежными улыбочками и сраными конфетками! Агриппина Максимовна всю жизнь пашет за копейки, сутками торчит среди наших палочек Коха, но для всех она – обычная бабка, ей даже в метро место не уступят. А сучка одаривает нас на папашины день-

ги, даже не от себя отрывает, да и папаша небось не последние отдает... Два часа в неделю покривляется, и пожалуйста – святая!

Все от восторга чуть слюной не давятся: ах, какая смелая, не боится с бактериями общаться! Ах, ангельское личико! Ах, небесный взгляд! И это говорит Агриппина Максимовна, противно слушать!

Конечно, благодаря семейке Сумароковых у отделения уютный вид, у всех детей удобные кровати с прекрасным бельем в веселенький рисунок, а не панцирная сетка с серыми истертыми простынями. И только благодаря им же усиленное питание на отделении не миф, а реальность. Есть все, что нужно, даже икра и орехи. Ну и что?!»

Услышав приближающийся гул голосов, Витя поплотнее закутался в одеяло. Все равно не хрен тут принцессу из себя строить!

Обычно во время Аннинных обходов Сотников уходил во двор или прятался на черной лестнице – боялся не совладать с собой, да и организм, ослабленный болезнью, плохо переносил припадки лютой, черной ненависти, которая поднималась со дна Витиной души от взгляда ясных глаз этой девчонки. Но сегодня торчать на холодном подоконнике не было сил, и Сотников притворился крепко спящим, в надежде, что Агриппина предупредит сучку: он – тяжелый больной, и не надо его тревожить.

Но на плечо легла легкая рука, и даже сквозь одеяло Витя

понял, что рука эта принадлежит Анне Валентиновне.

– Мальчик... мальчик... – рука нерешительно пошевелилась, – проснитесь, пожалуйста.

– Витя! – Не проснуться от баса заведующей мог только мертвый, притворяться дальше было глупо и бесполезно.

Он сел. От резкого движения закружилась голова, пришлось схватиться за спинку кровати.

– Ну что еще?

– Простите, что разбудила... – Кинув на его всклокоченную голову короткий взгляд, девчонка уставилась в блокнот, который держала наготове. – Скажите, пожалуйста, что вам нужно.

– Ничего. – Свободной рукой он пригладил вихры и сообразил, что сидит в старой застиранной майке, выставив на всеобщее обозрение ужасающе худой торс.

– Может быть, книжку? – не отставала Анна.

– Курева и пива, – буркнул Витя.

– Это Агриппина Максимовна не разрешит. Прошу вас, подумайте. Из еды чего-нибудь особенного? Когда болеешь, бывают всякие желания. Например, когда у меня был аппендицит, дико хотелось суши, хоть я их вообще не люблю.

Суши ей хотелось!!!

– Да пошла ты на х...! – загремел Витя во всю невеликую мощь своих разрушенных легких. – Засунь свои заботы себе в одно место! Задолбала ты уже! Сучка дешевая!

Агриппина Максимовна и пожилые сестры, составлявшие

свиту девчонки, смотрели на него растерянно. Он был, конечно, трудным подростком, маргиналом, но в отделении всегда вел себя тихо. Даже родители новеньких детей, узнав, что их чадо будет лечиться в одной палате с юным бомжем, недельку поскандалив, успокаивались, ибо Витя большей частью молча лежал в кровати или курил за пределами отделения. С соседями он почти не общался. И вдруг такой взрыв!

Странно, но, почти осуществив свою мечту, Сотников не чувствовал ничего, кроме неловкости. Даже покрасневшая физиономия девчонки и слезы на ее глазах не порадовали.

И вдруг Анна осторожно коснулась его руки.

– Простите меня, – сказала она тихо.

Витя тупо смотрел на нее, не понимая.

– Никто ничего не слышал, ясно? – продолжала она, обращаясь к свите. Теперь девчонка говорила стальным голосом, совсем не подходящим для доброго ангела. – Забыли! Ничего не было, и я хочу, чтобы об этом никто не заговаривал ни со мной, ни с ним. Все. Идем дальше.

Вите было очень плохо от стыда. Разве Анна виновата, что родилась богатой и счастливой? Просто ему было невыносимо больно от света ее доброты, и он решил: этот свет потухнет, если он закидает его грязью.

Он встал, оделся и пошел курить. Сигареты, подаренные заведующей, следовало экономить, она быстро поймет, что ее заначки вовсе не помогают ему бросить.

Витя курил два года, с четырнадцати лет, начал еще в домашний период своей жизни. И не только из желания скорее повзрослеть и заработать авторитет в компании – он и без того был достаточно уважаем. Нет, курить его толкала какая-то странная тяга к саморазрушению: чем больше он думал, что сигарета причиняет ему вред, тем больше хотелось курить. Сейчас он был один, без друзей, прекрасно знал, что табак неумолимо приближает его конец, почти каждая затяжка вызывала приступ мучительного кашля, после курения кружилась голова и тошнило, но Витя курил больше, чем раньше. Мысль, что он убивает себя, доставляла странное, болезненное удовлетворение.

Сотников решил наведаться в ординаторскую. Рабочий день кончился, доктора наверняка разошлись по домам, и, если заведующая забыла вытряхнуть пепельницу, он сможет без особых помех разжиться окурками.

Дверь была открыта, и Витя, бесшумно подкравшись, замер на пороге. Ординаторская была перегорожена шкафом, так что, стоя в дверях, нельзя было понять, пусто ли там. Нет, не пусто, за шкафом кто-то рыдал.

– Неужели он умрет? – Витя узнал голос Анны и сразу понял, что говорят о нем.

– Деточка, трудно сказать. Процесс запущенный, а химия его почти не берет. Думали на операцию готовить, но слишком большое поражение, хирурги опасаются. Да я и сама боюсь, операция иногда вызывает бурную активацию, вплоть

до менингита.

– Но что-нибудь ведь можно сделать? Агриппина Максимова! Пожалуйста! – Анна всхлипнула и громко высморкалась. Потом длинно, прерывисто вздохнула.

– Все-все, деточка, успокойся. Хочешь еще водички?

– Нет... Вы обещаете? Обещаете? Может быть, вы думаете, что раз он бомж, то и лечить его не надо?

– Окстись, Анечка! Если бы я так думала, не смогла бы шестьдесят лет в туберкулезе отработать. За свои шестнадцать лет накуролесил он, конечно, изрядно...

– Но он же еще ребенок и ни в чем не виноват! – жестко перебила Анна.

«А сама ты кто?» – подумал Витя мрачно и тихо отошел.

Подслушанный разговор не открыл ему ничего нового, он давно знал, что тяжело болен и скоро умрет. Витя знал это еще до того, как попал в больницу. Начитанный мальчик, он без труда поставил себе диагноз «туберкулез», когда ощутил симптомы, ярко описанные в классической литературе. Ужас и острый страх смерти он испытал всего один раз, когда вдруг вместо привычного кровохарканья горлом сильно пошла кровь. Тогда он понял, что жить осталось недолго, и горько плакал, но быстро смирился с неизбежным.

Витя не ходил к врачам, но однажды упал прямо на улице, и нашелся человек, вызвавший ему «скорую». Так, против воли, он оказался в этой больнице. Сбежать не хватало решимости, Витя понимал, что первая же ночь под открытым

небом окажется для него последней.

С передышками Сотников поднялся на последний этаж и устроился на широком подоконнике. Из окна виднелся больничный парк, солнце садилось, и голые деревья отбрасывали на снег длинные тени. По узким дорожкам последние посетители торопились к воротам, за деревьями тихо проехала машина «скорой помощи», но, выезжая из ворот, врубила сирену с маячками и рванула, выбросив из-под колес фонтан снеговой жижи.

А он никогда больше не окажется за этими воротами. Интересно, увидит ли он, как тает снег, или не успеет?

Витя закурил и попытался представить, как выглядит парк летом. Должно быть, здесь красиво и приятно гулять, деревьев много, даже в самый жаркий день можно найти тень.

Летом в парк выползают такие гопники, как он, усмехнулся Витя. Сидят на полянках, курят, сосут пиво, а приличные люди осторожно придерживаются центральных дорожек. Небось вся территория усеяна пустыми бутылками и шприцами, туберкулез – социальная болезнь... И ничего удивительного, что, узнав о его смерти, все только порадуются – на земле чище стало. О нем поплачет один-единственный человек. А может быть, и не поплачет. Это сейчас ей жаль его, а потом Анна вздохнет и скажет: ну что ж, может, оно и к лучшему. И будет права.

Витя устал от жизни, тяготился ею. В шестнадцать лет он чувствовал себя глубоким стариком, познавшим все и ни в

чем не нашедшим радости.

Он был приемным ребенком, и родители не скрывали от него этого обстоятельства. Витя до сих пор не понимал, за чем они взяли его, ведь он совершенно не был им нужен. Да, осиротевший младенец Витя Сотников приходился им родственником, но не настолько близким, чтобы отказ воспитывать его в своей семье выглядел подло. Но бездетная пара его усыновила.

Сколько Витя себя помнил, в доме всегда царила атмосфера настороженной неприязни. Он ходил, как по минному полю, боясь неловким движением вызвать скандал.

Приемные родители были астрономами и, занимаясь иными мирами, ненавидели и отвергали мир окружающий. Приверженцы чистой науки, они жили на невеликую зарплату, не пытаясь подработать, гордясь собой и считая все остальное человечество торгашами. Впрочем, свою астрономию они, похоже, тоже не любили. Вернувшись домой, Сергей Иванович раздражался речами о том, что общество больно, все культурные и нравственные ценности давно похоронены, а Маргарита Семеновна вторила ему. Но несмотря на сходство мировоззрения, супруги жили не дружно, ссорились едва ли не каждый день. Властный Сергей Иванович требовал безоговорочного подчинения, выговаривал жене за неудачно купленный кусок мяса, а то, что она вытирает пол неподходящей, по его мнению, тряпкой, могло вызвать у него настоя-

щий приступ ярости. Маргарита Семеновна боялась мужа, выполняла все его прихоти и считалась поэтому доброй и самоотверженной женщиной. Но она ни разу не защитила Витю от гнева приемного отца, а когда того не было дома, отыгрывалась на пасынке сама. Ее разносы, полные долго сдерживаемой, перебродившей ярости, были, пожалуй, пострашнее скандалов отчима, который начинал беситься сразу, как только ему захотелось.

Оба в один голос твердили, что жили душа в душу, пока не появилось это исчадие ада, то есть Витя. Он верил и просился в детский дом.

Но Сергей Иванович и Маргарита Семеновна очень дорожили своей репутацией в глазах родственников и сослуживцев, а отдать ребенка, пусть приемного, в интернат означало бы пятно на этой репутации.

С пеленок Витя знал, что должен соответствовать. Что он воспитывается в такой образцовой семье, каких уже и не осталось.

Витя вздохнул и поудобнее устроился на подоконнике. По мнению его родителей, мир вокруг населяли сплошные недомумки. Родственники, ближние и дальние, тоже подходили под это определение. Несколько раз в год родня собиралась у кого-нибудь дома, выпивали, пафосно восклицали, что надо чаще встречаться и держаться вместе. Потом расходились до следующей официальной даты, причем на обратном пути Сотниковы выливали на родню ведра яда. Тем не менее

вся жизнь Сергея Ивановича и Маргариты Семеновны была подчинена тому, чтобы выглядеть в глазах «этих подонков» образцовым семейством.

Когда на него находило, Сергей Иванович произносил длинные прочувствованные речи о прошлых поколениях, хороших манерах и вечных ценностях. В тот же вечер он мог заорать «Звереныш, волчонок!» и наотмашь ударить пятилетнего Витю по лицу. В таких случаях Маргарита Семеновна рыдала и сокрушалась, почему Витя такой нехороший мальчик, что довел отца до нервного срыва.

Будучи в хорошем расположении духа, Сергей Иванович иногда откровенничал с Витей и говорил ему, что Маргарита Семеновна бесхребетная дура и не умеет вести хозяйство, но приходится мучиться, ибо развод – это позор. В свою очередь, Маргарита Семеновна жаловалась мальчику на мужа, утверждая, что живет с ним только ради него, любимого Вити. Она вообще склонна была к сентиментальности и часто плакала, рассказывая, как любит своего маленького мальчика, но Витя почему-то не верил.

Странная вообще семейка, усмехнулся Сотников. Ненавидя весь мир и даже друг друга, они ни разу не усомнились в собственной правоте. С другой стороны, несчастные звездочеты, что они знают о жизни? Они же не знакомы с Агриппиной Максимовной и не знают... Он зажмурился, как перед прыжком в воду, и храбро додумал: не знают Анну, дочку богатого отца, которая плачет по обматерившему ее бомжу.

Их сил хватало только на осуждение других, и, кажется, они были уверены, что этого достаточно для праведной жизни. Так же как ругани – для воспитания ребенка. О, если бы они просто жили вместе с ним, как это делают миллионы родителей! Но в этой семье роли были распределены четко. Родители и ребенок, которого нужно *воспитывать*. И они *воспитывали* из него идеального ребенка.

Впрочем, в чем заключалось это самое *воспитание*, было непонятно. Никто не водил его в секции, не сидел с ним часами, обучая правильно и красиво вести себя за столом. Зато в подверженности простудам и угрюмости родители усматривали признаки аристократизма, о чем не стеснялись говорить детсадовской воспитательнице.

Когда Витя пошел в школу, от него потребовали хорошей учебы. При этом Витины учителя были объявлены идиотами, а школьная программа – полным маразмом. Каким-то причудливым образом призывы хорошо учиться прошли Витину голову навывлет, зато тезисы об идиотах-учителях, наоборот, пустили там глубокие корни, и Витя быстро потерял вкус к учебе.

Время от времени они выезжали за город, посещали музеи и театры. Но нервное напряжение от этих выходов в свет, когда полагалось играть роль образцовой семьи, давало о себе знать, и все заканчивалось скандалом, стоило только вернуться домой.

«Неблагодарная дрянь», «подонок», «дебил» – чего только Витя не наслушался в свой адрес! Но страшнее всего была привычка Сергея Ивановича устраивать с сыном задушевные беседы. Успокоившись после скандала, он приходил в Витину комнату и подводил под свои обвинения теоретическую базу, снабженную стройной системой доказательств.

Витя до сих пор вспоминал бессонные ночи после этих разговоров, когда он лежал, с ужасом осознавая собственную мерзость и не понимая, как же ему исправиться.

Он должен был любить классическую литературу и музыку, а компьютерные игры считать пустой тратой времени. Однажды он попросил, чтобы ему разрешили посмотреть по телевизору фильм про Бэтмена, в ответ родители закатили форменную истерику. А на следующий день Витины одноклассники обменивались впечатлениями и играли по сюжету киношки. Витю, оказавшегося «не в материале», в игру не приняли. Он перенес это очень болезненно и, может быть, впервые подумал о родителях как о врагах.

Зомбированный бесконечными «ты должен», убежденный в беспросветной низости собственной натуры, он не знал радостей нежности, любви, доброты. Но детская душа не может постоянно жить в унынии, и вскоре Витю потянуло к другим удовольствиям. К тем, для которых не обязательно быть хорошим...

Солнце быстро закатилось, напоследок окрасив небо ро-

зовым. По тому, как сверкнул в закатных лучах иней на крышах и какой плотный белый дым повалил из труб расположенного неподалеку завода, Витя Сотников понял, что к вечеру стало еще холоднее. Он любил морозную погоду, когда под ногами хрустит снег, лицо сводит от холода, ты утыкаешься в шарф, и сначала он становится влажным от твоего дыхания, а потом краешек шарфа замерзает, и ты кусаешь эту ледяную корочку... Снег отражает бледное зимнее солнце миллионами искр, небо голубое, как огромная незабудка, облака на нем, как кружевные салфетки... Все такое чистое, словно накрахмаленное...

«Наверное, если я вдруг попаду в рай, он будет для меня таким», – хмыкнул Витя. И тут же острое чувство стыда вновь полоснуло его по сердцу.

В шестом классе он сошелся с дворовыми ребятами. Они большей частью жили в нормальных семьях, а после уроков собирались на задворках школы и до вечера шатались по улицам. Поначалу Витю раздражали их тупые разговоры и грязные шутки, но куда было деваться... Другие дети занимались в секциях, Витю же никуда не отдавали, а сидеть дома ему совсем не хотелось, поскольку свой дом он уже ненавидел.

Постепенно он втянулся. В компании никто не говорил ему без конца «ты должен» и не нужно было соответствовать чьим-то представлениям об идеальном мальчишке. Он начал

курить, перестал делать домашние задания, потом стал прогуливать школу. В четырнадцать лет впервые переспал с девушкой – единственной одноклассницей, допущенной в их компанию. Радости секса разочаровали. Накрученный друзьями, он ожидал небесного восторга, а вместо этого получилась неловкость и несколько секунд тепленькой радости тела. Витя еще пару раз «встретился» с этой девушкой, но, узнав, что она никому не отказывает, не смог преодолеть природной брезгливости.

Когда дома открылось, что пасынок забросил учебу и болтается черт знает с кем, Сергей Иванович пришел в неистовство. Он кидался на Витю с кулаками, бил его ремнем, запирали и при этом убивался: «Мой сын – гопник! Господи, что я скажу на работе?!»

Скандалы и физическое насилие Витины родители считали единственно верной тактикой, поэтому, когда она не сработала сразу, они удвоили усилия. Но тут уж Витя словно с цепи сорвался. Одурманенный ложной свободой, вкушивший «взрослой» жизни, он вдруг сообразил, что вовсе не обязан подчиняться этим глубоко ненавистным ему людям. Рослый и физически сильный, Сотников устроился грузчиком в местный гипермаркет. Его охотно взяли – конечно, неофициально. Теперь он не зависел от карманных денег, выдаваемых родителями.

В доме наступил ад. Чем больше Сергей Иванович лютвал, тем азартнее Витя сопротивлялся. Он приносил домой

пиво и, отстаивая свое право пьянствовать и курить, чувствовал себя, словно партизан на допросе у фашистов. Его заперли в комнате, он выносил дверь. Его называли подонком, в ответ он разражался матерной бранью. Его били, и настал день, когда Витя ответил ударом на удар.

Если бы они тогда его простили! Сказали бы: Витя, мы любим тебя и понимаем, что ты был не в себе, когда кинулся на отца с кулаками! Ничего, Витя, это пройдет, потерпи, возраст у тебя такой!

Но Сергей Иванович, на минуту растерявшись, впал в азарт – неужели он не найдет управу на пасынка? Неужели утратит над ним власть? Да не бывать этому!

Чем только не пугали Витю! Психиатром, участковым милиционером, даже судом, но он только смеялся в ответ: да хоть в дурку, хоть в колонию, лишь бы не с вами! Его оставляли без еды: раз не слушаешься, мы не обязаны тебя кормить! Ничего, в гипермаркете всегда находилось чем заморить червячка.

После того как Витя ударил отчима, тот стал опасаться физической расправы. Теперь они с Маргаритой просто игнорировали пасынка, обращаясь к нему лишь затем, чтобы поведать, какой он подонок. А в один прекрасный день Сергей Иванович заявил:

– Убирайся вон из моего дома!

И тогда, и сейчас Витя был уверен, что на самом деле отчим не гнал его – просто надеялся, что Витя испугается и

угроза остаться без крыши над головой заставит его изменить поведение. Но не тут-то было!

Услышав патетическое восклицание отчима, Витя только удивился, как ему самому до сих пор не пришла в голову мысль уйти. Он быстро покидал в спортивную сумку документы и вещи первой необходимости, потом молча отстранил Сергея Ивановича и покинул дом своего детства.

Он долго катался в метро, размышляя, куда бы податься. Все друзья из его компании жили с родителями, которые вряд ли готовы были принять еще одного великовозрастного ребенка. Сдаться в интернат? Но его тут же вернут отчиму и мачехе. Можно спрятать документы, выступить под другим именем, но... Самостоятельная жизнь привлекала его больше, чем учеба и постоянный надзор.

Витя вышел из метро в противоположном конце города и пошел на огни такого же гипермаркета, в котором грузил ящики. После недолгих переговоров его взяли на мелкие такелажные работы, за что он получил право на ночлег в подсобке и небольшое денежное вознаграждение.

В подсобке он прожил полгода. Все это время Витя грузил товары и мыл машины на парковке, зарабатывая, пожалуй, не меньше, чем Сергей Иванович. В гипермаркете им были довольны и обещали официальное трудоустройство, как только ему исполнится семнадцать. С прежней компанией он не виделся, а местных юных беспризорников сторонился, поскольку для наркотиков и мелких грабежей еще не созрел.

Вместо этого он сблизился со взрослыми бомжами, во множестве обитавшими вокруг гипермаркета и на соседней автостоянке. Среди них были еще не до конца опустившиеся люди, с ними Витя выпивал и вел долгие разговоры за жизнь. После таких разговоров он часто просыпался ночью с коло-тящимся сердцем и пересохшим ртом, садился на топчане и думал: неужели теперь так будет всегда?

Но родители сумели внушить ему, что он – недостойный человек, а значит, заслуживает такое существование. Сотников ненавидел жизнь, которой живет, ненавидел себя – за то, что дурная натура принуждает его жить именно так, и все с большим остервенением глушил себя пивом и травил сигаретами.

Напиться и забыться гораздо проще, чем бороться. Легче и веселее. В детстве многие хотят быть космонавтами, и никто – алкоголиком, но почему-то космонавтов в мире гораздо меньше, чем алкашей. Витя понимал, что быстро погружается на самое дно, и оттого, что не находил в себе сил порвать с этой жизнью, ненавидел себя стократ сильнее.

Глядя на окружающих его опустившихся мужиков, слуша-шая их сетования на злую судьбу, Витя знал, что вскоре стан-нет таким же. Иначе быть не может.

Иногда он надеялся на чудо: вдруг родители найдут его? Ведь это было несложно, Витина физиономия примелька-лась среди местных милиционеров, многие знали его по име-ни. Если бы Сергей Иванович обратился в милицию, про-

явил настойчивость или дал взятку, Витю извлекли бы из подполья в течение недели.

Ему так хотелось, чтобы родители соскучились и вспомнили о нем что-нибудь хорошее! Нашли бы его и сказали: Витя, возвращайся домой. Ведь первые недели бродяжничества у него даже был сотовый телефон! Потом трубку украли, но, пока она была при нем, родители не позвонили ни разу. Ну пусть бы не сами позвонили, хотя бы сообщили его номер в милицию... Значит, он действительно подонок, раз они даже не стали искать его...

Он понял, что никому не нужен, и перестал быть нужен себе самому. Если поначалу он стремился заработать как можно больше, то теперь азарт угас, он ленился и выходил на парковку мыть машины, только когда кончались деньги.

А потом от тоски Витя сошелся с кассиршей из гипермаркета.

Нина была симпатичная женщина двадцати четырех лет, замужняя, с ребенком. Темпераментной кассирше очень нравились юноши, и она весело обучала Витю всяким фокусам. Он послушно ласкал ее так, как ей хотелось, и принимал ее нежности, но не испытывал при этом ни радости, ни восторга, ни бурного телесного переживания. «Даже самая красивая женщина может дать только то, что она может дать», — вспоминал он известный афоризм и усмехался.

Все кончилось в тот день, когда Витя признался, что болеет. Испугавшись заражения, Нина моментально дала

ему отставку и пообещала заложить начинающего туберкулезника начальству, если он станет слишком часто попадаться ей на глаза.

Глава третья

По четвергам в больнице собиралась комиссия, врачи обсуждали тактику лечения.

«А со мной и безо всяких комиссий давно все ясно», – подумал Витя и вышел из палаты. Переводя дыхание на каждой площадке лестницы, он добрался до своего излюбленного чердачного окошка.

Агриппина Максимовна в высоком докторском колпаке и синем фланелевом халате поверх обычного спешила в административный корпус, прижимая к себе стопку историй болезни. Старушка оскальзывалась на неровно протоптанной дорожке, вытягивала для равновесия руку, но темпа не снижала.

В ворота вползла красная «мазда». Это же машина, на которой шофер привозит Анну! В животе у Вити вдруг стало пусто, словно он проехался в скоростном лифте. Сотников приник к стеклу – не может быть, она была вчера и теперь должна приехать только через неделю.

Поравнявшись с Агриппиной, «мазда» затормозила, из нее вылез высокий худощавый дядька в военной форме и, в несколько прыжков преодолев полосу глубокого снега, взял бабку за локоть. Та воинственно обернулась. Некоторое время оба бурно размахивали руками, потом разом успокоились и закурили.

Неужели это сам богатый папочка пожаловал? Тогда почему в форме? Или это вовсе другая машина?

Но тут открылась задняя дверца и появилась Анна, в смешной вязаной шапочке с помпоном. Она пошла к Агриппине, стараясь попадать в глубокие следы, оставленные военным. Шаг оказался для нее слишком широким, девчонка потеряла равновесие и шлепнулась в снег, но тут же вскочила.

Витя больше не думал, почему она приехала не вовремя и что это за дядька с ней, просто смотрел, как Анна, смеясь, отряхивается.

Агриппина засеменяла дальше, а военный с Анной после недолгой дискуссии сели обратно в машину. «Мазда» медленно покатила вдоль забора и вскоре скрылась из виду.

С колотящимся сердцем Витя спустился в палату. Сейчас Анна пойдет по отделению и удастся посмотреть на нее вблизи. Сотников остановился перед зеркалом, причесался, поправил воротник клетчатой рубашки. Потом почистил зубы. Если бы знать, что Анна придет сегодня, он бы принял душ, хотя мытье последнее время превратилось для него в тяжелую работу.

Расправив покрывало на постели и запихнув все, что лежало на тумбочке, в ящик, Витя сел на самый краешек кровати и стал ждать. Потом вскочил, взбил подушку и сделал из нее красивый треугольник. К счастью, все соседи по палате смотрели мультик в игровой комнате и не видели его

суетливых приготовлений.

Но время шло, никто не появлялся, и Витя снова ненавидел Анну: зачем заставила его так переживать?

По коридору, дребезжа и постукивая кривыми колесами, проехала каталка с ужином, сквозь полуоткрытую дверь Витя уловил запах кипяченого молока с медом.

Вот и все, ждать больше нечего. Но тут на пороге появились Агриппина и давешний мужик в форме. Анны с ними не было.

– Вот он, – сказала заведующая, показывая на Витю крючковатым артритным пальцем.

– Здравствуй, – улыбнулся мужчина. – О, какая койка! – Он повертел головой, чтобы рассмотреть кровать с разных точек. – Настоящий шедевр, услада взору военнотружашего. Ну что, солдатик, давай я тебя посмотрю.

– Это профессор, специально приехал тебе помочь, – поспешно сказала Агриппина Максимовна. Наверное, боялась, что Витя пошлет по известному адресу и профессора.

Он встал и кивнул.

Мультрики кончились, и в палату стали возвращаться дети. Они с криками забегали в дверь, натыкались на докторов, замолкали и чинно садились на свои койки, со страхом глядя на заведующую и незнакомого военного дядьку.

– Может быть, пойдём в ординаторскую? – улыбнулся профессор, глядя на притихшую малышню.

– Да, конечно, – засуетилась Агриппина. – Пойдём, Витя.

Неужели это Анна привезла консультанта для него? Неужели так хочет, чтобы он поправился, что ищет на стороне специалиста и сама везет его сюда? Хотя при ее деньгах ей совсем не обязательно трудиться, достаточно подписать чек. Больше всего ему хотелось спросить, куда Агриппина с этим профессором дели Анну. Но, справившись с гневом, Витя понял: она не хочет, чтобы он знал о ее роли в этой консультации.

Наверное, сидит в машине, подумал он, представив, как девчонка, сняв дурацкую шапочку и расстегнув пуховик, мается в салоне. Что она делает? Играет в телефон? Или слушает радио, а может, дремлет. А вернее всего, болтается вместе с шофером по торговому центру напротив.

О предстоящей консультации он почти не думал, согласившись на нее только для того, чтобы не портить Анне настроение. Никаких чудес Витя Сотников не ждал.

Перехватив его хищный взгляд, Агриппина Максимовна быстро опустошила пепельницу.

– Даже не думай, Сотников, – веско сказала она. – Представляете, Ян Александрович, он никак не может бросить курить.

– Прекрасно представляю. Я, например, тоже не могу. – Профессор мягко взял его за плечи. – Ну что ж, Виктор, расскажи, пожалуйста, как ты заболел.

– Как все, – буркнул Сотников, – жил, жил, потом заболел.

Агриппина Максимовна подскочила за письменным столом:

– Витя! Ян Александрович хочет тебе помочь! Переломи, пожалуйста, свой гонор и отвечай на вопросы.

– Оставьте его, Агриппина Максимовна. Болезнь не в той стадии, когда имеет значение сбор анамнеза. Как я понимаю, в диагнозе у вас сомнений нет?

Она отрицательно покачала головой.

– Значит, можно не терзать молодого человека воспоминаниями о печальных моментах его биографии. Это я так спросил, по докторской привычке. Ты как думаешь, если рубашку снимешь, не замерзнешь? Обычно я на работе в хирургической форме распекаю и чувствую, можно раздевать пациента или нет, а сейчас в кителе что-то не пойму, как у вас тут обстоит с температурой воздуха.

Витя молча разделся до пояса. Профессор долго щупал его шею и подмышки, выстукивал и выслушивал легкие внимательно, с напряженным лицом, словно Штирлиц, пытающийся поймать радиограмму из Москвы.

Потом положил его на диванчик и сосредоточенно мямлил живот.

Витя, опытный пациент, послушно вдыхал, выдыхал, надувал живот и сглатывал, лишь бы профессор поскорее от него отвязался.

– Ну все, молодец, – доктор хлопнул его по плечу, – можешь одеться.

Витя встал, потянулся за майкой, но Ян Александрович вдруг остановил его:

– Агриппина Максимовна, полюбуйтеесь-ка, какое великолепное сложение!

– А? – Старушка оторвалась от истории болезни, которую заполняла со страшной скоростью. Несмотря на руководящий статус, ей приходилось заниматься рутинной – в отделении был жуткий кадровый голод, работали всего два врача – она сама и похожий на растолстевшего Айболита дядечка со смешной фамилией Печиборщ. Агриппина Максимовна обожала его за высочайшую эрудицию и преданность работе, но, когда ей напоминали, что она уже пожилая и, может быть, доктор Печиборщ справится с обязанностями заведующего, категорично заявляла: «Никаких борщей! Ладно, он сам блаженный, это полбеды. Но он ведь уверен, что все вокруг такие же, как он! Да мы через три дня по миру пойдем!»

Доктор Печиборщ был единственным человеком на свете, называвшим Сотникова Витюшей, и это о многом говорило.

– Редко встретишь такую удачную конституцию, – продолжал восхищаться Ян Александрович, – папа с мамой на совесть постарались. Таких обычно называют двужилыми, и они лучше выздоравливают, чем рыхлые и полные люди.

Витя не разделял восторгов профессора. Он никогда не считал себя красивым – тощий, но ширококостный, с длинными руками и ногами, сутулый. Витя смотрел на мир большими, почти круглыми глазами, здоровенный нос непра-

вильной формы нависал над большим ртом с тонкими губами, а подбородок, хоть круглый и упрямый, был слишком маленьким, чтобы считаться волевым. Длинная тонкая шея и вовсе была для мужчины позором.

– Посмотрите, Агриппина Максимовна, – не унимался доктор, – как хорошо устроен этот парень.

Та кивнула и вернулась к писанине.

– Действительно, прекрасно сложен.

– Какая разница, все равно скоро закапывать, – тихо, чтобы не услышала заведующая, буркнул Сотников.

Ян Александрович с размаху сел на стул и уставился на Витю так растерянно, словно тот ударил его.

– Послушай...

– Все, проехали. Можно, я пойду в палату?

Профессор встал и неловко положил руку ему на плечо:

– Да, иди, конечно. Мы тут с Агриппиной Максимовной посоветуемся.

Витя не стал подслушивать под дверью. Зачем? Ничего нового он не узнает.

Гардеробная комната была закрыта, пришлось стянуть дежурный ватник. Вечерний охранник знал Сотникова и по дружбе выпустил из корпуса.

Витя обошел здание кругом – машины нигде не было, а так хотелось увидеть Анну хоть на минуточку!

Прогулка вымотала его, ватник был слишком легкой одеждой для ветреного мартовского вечера, а Витя вспотел

от быстрой ходьбы. Он поднял воротник и прислонился к дереву – устал так, что не было сил даже кашлять.

Прошло пять дней. Агриппина Максимовна ничего ему не говорила, таблетки давали те же самые, так что, понял Витя, никакой великой идеи военный не родил, даром что профессор. Зато приходили учителя, просили написать контрольные, мол, скоро конец четверти, а Витя числится у них в учениках. Он огрызался и горько думал, что на каникулах Анна наверняка уедет в какую-нибудь экзотическую страну. А тут еще резко потеплело, под ногами хлюпала серая каша, постоянно шел дождь, прекращаясь только затем, чтобы уступить место мокрому снегу. Снег падал, на деревьях и крышах вырастали огромные пышные шапки и тут же таяли. На улице стало так промозгло, что доктора запретили прогулки, заменив их усиленным проветриванием помещений.

Витя почти не вставал с кровати, не умывался и не ел. Чтобы не цеплялись, он выкидывал пищу в унитаз. Пытался читать, но сразу начинала болеть голова, а буквы двоились. Не хотелось даже курить, и Витя вдруг понял, что слег окончательно. Он испугался, заставил себя выйти на лестницу и добраться до чердачного окна, вернулся весь мокрый, с дрожащими коленками, будто разгрузил целую фуру.

Вот и все. А как ты хотел, Витенька? Думал, будешь бегать, прыгать, а потом – раз, и все? Нет, придется помучиться. Как жил плохо, так и умрешь.

Сил ненавидеть себя не было, наступил какой-то странный, тупой покой, замешанный на унынии и сознании безысходности. «Что ж, я это заслужил, – повторял Витя, разглядывая потолок, на котором знал уже все пятнышки и трещинки. – Я был плохим человеком, никчемным и злым, так что все правильно...»

Он жалел только о том, что больше не увидит Анну. Вряд ли он дотянет до конца каникул.

...Ему приснился какой-то очень хороший, радостный сон, так что Витя не хотел открывать глаза, сберегая ощущение счастья. Не помня, что было во сне, он представлял себе лицо Ани и думал: «А не страшно, что я не доживу до ее следующего приезда. Главное, я знаю, что она есть на земле». Он лежал, крепко зажмурив глаза, и улыбался.

Кажется, он снова задремал, потому что не слышал, как в палату зашел давешний профессор. Витя очнулся, когда тот уже сидел возле его постели, сгорбившись на детском стульчике.

– Здравствуй, Витя.

– Здравсте! – Он завозился, пытаясь сесть, но Ян Александрович мягко нажал ему на плечо:

– Лежи, лежи. Я просто навестить тебя приехал. Прости, что долго не был, но то дежурство, то в операционной торчал до десяти вечера. Сегодня первый день свободный. Апельсинчиков тебе привез, хочешь?

– Вам что, дома делать нечего?

– Есть чего, Витя. У меня жена красавица и пятеро детей. Но, видишь ли, мне покоя не давала одна вещь все эти дни. Развей, пожалуйста, мои сомнения, признайся, что ты не принимаешь препараты.

– Я? – Трудно было приосаниться, лежа в постели, но Витя постарался придать лицу выражение оскорбленной невинности.

– Нет, я!

– Все я пью, – огрызнулся Витя, – отвяжитесь от меня.

– Видишь ли, какая штука... – Заметив, что дети прислушиваются к разговору, Ян Александрович обернулся и сделал страшные глаза. – Я прикинул на досуге, сколько в тебя химии перекачали. При таких дозах у тебя неминуемо должна была пострадать печень. А она не увеличена.

– Ну и что? Может, я заранее тренировал ее пивом.

Профессор улыбнулся и стал чистить апельсин. Ломаясь, толстая кожура брызгала соком и оглушительно пахла детством и Новым годом.

– Витя, наша дискуссия бессмысленна. Я знаю, что ты не принимаешь таблетки, и ты тоже это знаешь. Сказал бы хоть Агриппине Максимовне, а то она всю голову сломала – ах, какие устойчивые у мальчика палочки, ни одна линия препаратов не действует! Так не изобрели еще, к сожалению, лекарства, которые бы действовали из унитаза, или куда ты там их деваешь. А с капельницами как?

Он сунул дольку апельсина прямо в рот Вите. От нежиз-

данности Сотников раскусил и удивился, что вкусно.

– Так как? Принимаешь или договариваешься с сестрой?

Витя приподнялся на локте и зашептал:

– Нет, сестра ни при чем! Я сразу закручиваю колесико, сам вылеживаю нужное время, будто капаюсь, потом вытаскиваю иголку, быстро сливаю лекарство в полотенце и выношу стойку в коридор, мол, я все.

– Красавчик! – хмыкнул профессор и отломил ему еще дольку. – А почему в полотенце, а не в раковину?

– Чтоб дети не увидели, а то начнут так же делать.

Ян Александрович задумчиво посмотрел на него и тяжело вздохнул:

– Вроде взрослый человек, и не дурак, а ведешь себя как полный дебил. Почему так?

– Я сначала принимал все, что давали. А потом подслушал, как врачи говорят, что мне ничего не помогает, процесс прогрессирует и я все равно умру. Так на фига себя еще травить? Вы не представляете, как от лекарств плохо! Я бы, наверное, давно уже сдох, если бы продолжал глотать эту гадость. И не надо меня уговаривать. Как вы сами сказали, наша дискуссия бессмысленна. Я знаю, что скоро умру, и вы тоже это знаете. Спасибо, что зашли.

Витя отвернулся к стене и натянул одеяло на голову. Профессор продолжал сидеть на детском стульчике, вместо удаляющихся шагов Витя слышал щелканье замков дипломата и шорох бумаги. Выдержав, наверное, полчаса, Сотников

рывком сел в постели. Ян Александрович невозмутимо читал толстый фолиант. Покосившись на Витю, он быстро перевернул страницу и снова уткнулся в текст.

– Ну? Что вы тут сидите?

– Жду, когда ты захочешь поговорить.

– А если не захочу?

Профессор пожал плечами:

– Я никуда не тороплюсь.

– А как же жена-красавица?

– Она поймет.

– Слушайте, на хрена вам это надо? Что вы лезете ко мне?

Шли бы вы, а?

Ян Александрович захлопнул книгу и улыбнулся:

– Кажется, начинается разговор. Так вот, Витя...

– Расслабьтесь, сколько бы вам Сумарокова ни отвалила, свои бабки вы отработали. Идите домой, к жене и детям.

Профессор снова улыбнулся, на этот раз немного хитро.

– Уж не знаю, Витенька, обрадую я тебя или огорчу, но я сам по себе приехал.

– Слушайте, да что вы примотались? Дайте сдохнуть спокойно уже!

– Я скажу тебе совершенно честно, почему я тут. Видишь ли, мальчик, у меня пятеро своих детей. Отец я так себе, даже не каждый день их вижу, но очень хочу, чтобы у них все было хорошо. И я суеверно думаю, что если помогу какому-нибудь ребенку, то Бог сжалятся надо мной и поможет

моим собственным детям. Понимаешь? А потом за годы воспитания детей я так накачал отцовские чувства, что произошел, как говорится в философии, переход количества в качество. Мне теперь все дети кажутся немножко моими.

Витя демонстративно оглядел профессора:

– Ну, вы мужчина видный, может, во многих случаях так оно и есть.

– Не оstri. Значит, дорогой мой, ты уверен, что скоро умрешь и медицина бессильна тебе помочь? А Агриппина Максимовна, видимо, злобная и глупая старушонка, которая ничего не понимает в туберкулезе и прописывает тебе лечение с единственной целью отравить последние денечки, так?

– Нет, не так!

– Выходит, она нормальный врач и назначает нормальные эффективные средства, которые ты не пьешь, потому что не можешь перетерпеть тошноту. Либо так, либо эдак, выбирай, что тебе больше нравится.

– Она просто не имеет права меня не лечить. Назначает, потому что так полагается.

– Милый мой, фтизиатр с шестидесятилетним стажем имеет право на все, что угодно! Ей бояться нечего. Бабка ради тебя ходит в библиотеки, даже лазает в Интернет, выискивая наилучшие комбинации препаратов, но ты плоды всех ее усилий спускаешь в унитаз! Причем как в прямом, так и в переносном смысле. Господи, да как в твою голову пришла идея, что ты смыслишь в туберкулезе больше, чем человек,

проживший в нем долгую жизнь? Тебе не ай-ай-ай? Знаешь, что я тебе еще скажу?

Профессор обернулся и заметил, что дети, усердно изображая игру с машинками, на самом деле внимательно слушают их разговор.

– Ребятки, я вас прошу, поиграйте в холле минут пятнадцать, у нас секретный разговор. Давайте, давайте.

Он встал и, растопырив руки, как наседка крылья, вытеснил детей в коридор.

– Так вот, Витя, юный человек не способен понять, что умирает. Почему, ты думаешь, в армию берут в восемнадцать? Именно поэтому – пацаны идут в бой, твердо зная, что с ними ничего не может случиться. Не важно, что соседа убило, а командира разорвало на куски! Лично он останется цел и невредим. Даже видя смерть каждый день, восемнадцатилетний боец уверен, что она заберет кого угодно, только не его. И ты тоже не принимаешь смерть всерьез.

Сотников хмыкнул.

– Да, ты знаешь, что скоро умрешь, но подсознательно считаешь смерть временным явлением, игрой. Поэтому так легко относишься к своей болезни. Опомнись, Витя!

– Зачем? Чтобы мне было страшнее умирать?

– Затем, чтобы лечиться.

Витя тяжело вздохнул:

– Ян Александрович, я не сам придумал, что смертельно болен. Это сказала заведующая.

– Ты мог неправильно понять, ты же подслушал наверняка только кусок разговора. И мало ли что она имела в виду! Мы же врачи, самые суеверные люди на свете, может, она специально нагнетала ситуацию, чтобы не спугнуть удачу. У нас в учебниках, например, такой случай описан. Профессор пошел в обход с учениками, смотрит больного и комментирует: то-се, печень не увеличена, селезенки нет. Это у нас жаргон такой. В норме селезенка не пальпируется, вот мы для краткости и говорим, что ее нет. А больной думает: ах, у меня нет селезенки? Ну все, трындец! И действительно, стал чахнуть на глазах до следующего обхода, пока профессор ему не разъяснил, в чем суть.

– Ну, я не такой идиот!

– Оно и видно.

– Я на самом деле чувствую себя плохо. И Агриппина Максимовна говорила однозначно. Знаете что? Вы мне помогли, честно, можете быть спокойны. Уж не знаю, способен я осознать смерть или нет, но я помираю спокойно. Я все в жизни видел и устал от нее.

Колдунов погладил его по голове и усмехнулся:

– Какие у тебя волосы мягкие. Ты будешь очень послушный муж. Эх, Витенька, если ты бухал, трахался и кололся, это еще не значит, что ты изучил жизнь вдоль и поперек.

– Я никогда не кололся!

– Молодец! Но все равно, ты узнал самую маленькую часть жизни, ту, что вовсе в твоём возрасте знать не обязательно.

– Начинается! А без морализонов не обойдемся?

– Давай, груби мне на правах умирающего. Пошли меня куда-нибудь, авось полегчает.

– А вы мне покурить дадите?

– Не вопрос. Пойдем?

Витя натянул треники и свитер. Чтобы идти по коридору не шатаясь, ему пришлось крепко держаться за локоть Колдунова.

Профессор мог покурить и в ординаторской, но демократично устроился на лестничной площадке бок о бок с Сотниковым.

От первой же затяжки у того закружилась голова и затошнило.

– Я, честно говоря, не понимаю, как ты в таком состоянии еще можешь курить. Похоже, здоровье у тебя железное, – заметил Ян Александрович, аккуратно стряхивая пепел в старую консервную банку. – Послушай меня одну минуточку, Витя. Не знаю, как тебе объяснить... Ты познал удовольствия плоти, но совсем не знаешь радостей души. А когда наша душа радуется? Если мы делаем что-нибудь хорошее, верно? Жить ради удовольствий – это, конечно, хорошо, но тут мы жестко ограничены собственным телом: у нас один член, один желудок, в конце концов, один мозг. А возможности нашей души безграничны и зависят только от нашей воли.

Витя поерзал на подоконнике и ядовито протянул:

– Какой вы праведник!

– Да куда мне! А в твои годы я вообще ни о чем, кроме трахача, не думал. Откровенно говоря, так у меня до сорока лет дело обстояло. Знаю, ты думаешь – шел бы этот старый хрен куда подальше со своими нравами, но тут дело такое: пока я трахался на все стороны и бухал, мне было мутно и плохо, а сейчас стараюсь праведно жить, и мне спокойно и хорошо. Мне хочется, чтоб тебе жилось так же спокойно и хорошо, вот и делюсь опытом.

Помолчали. Оба докурили, но продолжали сидеть на подоконнике. Витя не стал напоминать, что профессору незачем стараться ради нескольких дней.

– Моей заслуги, что я перевоспитался, никакой нет, – продолжал Ян Александрович и снова достал пачку. – Тебе больше не предлагаю. Так вот. Все благодаря жене. Страшно подумать, что бы со мной случилось, если бы не она. Брр! Жил, как зомби, – работал до упора, сосал коньяк и крутил с замуней женщиной. Она очень хорошая тетка была, и мы пятнадцать лет делали вид, будто друг друга любим, а расстались – словно никогда не были знакомы. Но жена сделала из меня человека. Хочется в это верить, во всяком случае.

– Вы так мощно влюбились?

Ян Александрович мечтательно посмотрел на тлеющий кончик сигареты.

– Самое смешное, что нет, – сказал он после долгой паузы. – Ведь если поразмыслить, влюбленность тоже можно от-

нести к плотским удовольствиям – видишь человека и балдеешь. Кайф, в который ты не вложил никакой собственной работы. Я женился, потому что... Ну, там разные были обстоятельства, тебе неинтересно. Сейчас мы должны сосредоточиться на твоём лечении.

Витя махнул рукой:

– Да перестаньте! Вам просто жалко меня стало, вот и пришли, типа, обнадежить.

– Да Господь с тобой! Стал бы я тебе душу беречь, если бы думал, что ты умрешь! Что я, больной на всю голову? Я б тебе тогда бутылку водки принес или попросил бы Агриппину наркотики назначить, чтоб ты не мучился. Витя, знаешь, у кого я тебя консультировал? У председателя Всемирной ассоциации кардио– и торакальных хирургов, это тебе не цацки-печки. Не думаю, что он понимает в туберкулезе лучше Агриппины Максимовны, но, может, ты на титул поведешься?

– Не-а...

– Как знаешь. Я послал ему твои снимки по Интернету, и он, представляешь, собрал по твоему случаю консилиум, на котором лучшие фтизиатры мира выбрали тебе схему лечения. А Анечка Сумарокова сутки сидела на телефоне, добывая препараты. Она заказала все за границей, чтобы не нарваться на подделку. Вот такие пироги, Витек. И я спрашиваю тебя, что делать будем? Лечиться или лучше феерично пошлем на хер старушку заведующую, Всемирную ассо-

циацию кардио– и торакальных хирургов, хорошую девочку Анечку вместе с ее папой, твоего покорного слугу и ляжем в гроб со злорадной усмешкой на устах? Только честно, лекарства дорогие, на полотенце их переводить жаль.

Витя молчал.

– Между прочим, – профессор заговорил загадочным и умильным тоном, – Анечка специально не поехала в Египет на каникулы, чтобы контролировать твоё лечение и помочь, если что. Даже поссорилась с подружкой, а это, доложу я тебе, для женщины серьезная жертва.

– Так она завтра придет? – невольно вырвалось у Вити.

– Возможно, – произнес Ян Александрович невыносимо таинственно.

– А дадите мне еще сигарету? – спросил Витя и заплакал.

Он плакал, слезы лились потоком, и от этого ему было хорошо. Витя всхлипывал и тут же улыбался.

Ян Александрович обнял его за плечи.

– Ну что ты. Господи, какое же ты еще дитя! Ну все, хватит, а то я сам заплачу. Вот, хочешь, покури.

Но Витя отпихнул его руку с сигаретой. На него напали такие рыдания, что он не смог бы сделать ни одной затяжки.

– Все у тебя будет хорошо. – Профессор обнял Витю и баюкал, как маленького ребенка. – Ты обязательно поправишься и будешь жить долго и счастливо. Лекарства я привез, завтра начнут капать, может, потошнит немножко, но ты же потерпишь?

– Ага.

– Вот и умница. А вечером Анечка тебя навестит...

– Не хочу-у-у! – И Витя зарыдал с новой силой.

– Слушай, прекращай уже! – рассердился Ян Александрович. – Люди подумают, что я под дождь попал или описался. Не хочешь, ладно, я скажу, чтоб она к тебе не заходила.

Всхлипнув последний раз, Витя встал с подоконника и вытер лицо рукавом свитера.

– Я такой страшный...

– Ну, знаешь, не всем быть красавцами.

– Из-за болезни страшный. Ей противно будет на меня смотреть.

– Ну, потолстеть за ночь тебе вряд ли удастся, а помыться не мешало бы.

Колдунов помог Вите вымыть голову, а дежурная сестра, заметив их приготовления, сменила постельное белье. От переживаний и мытья Витя устал так, что не мог даже пить чай. Ему очень хотелось, чтобы профессор посидел с ним еще, но Витя понимал, что и так отнял у Яна Александровича почти три часа личного времени. Он лег в постель и соврал, что хочет спать.

Всю ночь он лежал, боясь верить в то, что у него есть будущее, но больше мечтал, как увидит Аню. Иногда забывался, но тут же, словно от толчка, приходил в себя. Сердце колотилось, во рту было сухо, он делал глоток из заботливо

приготовленного Колдуновым стакана с чаем и говорил себе: завтра придет Аня.

За эту длинную ночь Витя придумал, наверное, тысячу сценариев встречи. Он не верил, что хоть немножко нравится ей, несмотря на то что профессор, уходя, сделал ему грозное внушение: «Не дай Бог тебе ее обидеть! Сейчас ты, конечно, не боец, но когда восстановишься... Только попробуй, я тебя лично на куски порву!»

Ян Александрович, кажется, думает, что у них любовь и потому Аня о нем хлопочет. Просто профессор не знает, какая она хорошая и как переживает о любом, кому нужна ее помощь.

Она же святая, а разве могут святые влюбляться?

Утром Витя встал, умылся, оделся и заправил кровать. От этих нехитрых дел он так устал, словно отработал смену в гипермаркете, даже хуже. Есть совершенно не хотелось, но, зная, что предстоит капельница, он заставил себя съесть кашу и выпить чай. Процедурная сестра, полная веселая женщина средних лет, появилась около десяти часов.

– Ну что, Сотников, давай руку, будем тебе буржуйское лекарство вводить.

Она аккуратно подложила ему под локоть свернутое полотенце и перетянула плечо жгутом. Постучала по локтевому сгибу жесткой короткопалой рукой, несколько раз энергично провела по коже ваткой со спиртом и ловко ввела иглу.

– Как тебе, не щиплет? – Сестра отрегулировала колесиком скорость вливания, а потом вдруг мелко перекрестила его. – Ну, с Богом.

Он лежал, наблюдая, как в бутылке с яркой непонятной этикеткой пузырьки весело поднимаются вверх. Неужели это его жизнь? В вену капает не просто водичка, а вещество, способное убить живущие в нем бактерии туберкулеза? Понять это было очень сложно. В принципе Витя не лечился потому, что не верил в целительную силу препаратов.

Но главное, чтобы ему не стало слишком плохо. Вдруг это чертово лекарство настолько токсичное, что его увезут в реанимацию и он не повидается с Аней!

И Витя клялся себе, что будет терпеть любое недомогание, пока она не сделает свой обход.

Аня появилась, как обычно, вместе с Агриппиной Максимовной. Затаив дыхание Витя смотрел, как она, улыбаясь, разговаривает с детьми и записывает их пожелания в блокнотик. Несколько раз она переводила взгляд на Витю, но тут же смущенно опускала глаза. Он тоже отворачивался, но не мог долго не смотреть на нее.

Наконец Аня остановилась возле его кровати.

– Здравствуйте, – сказала она, глядя на носки своих туфель.

– Здравствуйте, Анна. – Витя сам удивился, какой у него хриплый голос.

– Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, гораздо лучше. Мне очень помогло новое лекарство.

В замешательстве Аня покосилась на Агриппину Максимовну. Та тонко улыбнулась краешком рта и развела руками.

– Разве оно может так быстро подействовать? – спросила Аня нерешительно, а Витя кивнул, стараясь, чтоб это выглядело энергично. Всю прошлую ночь он изобретал и репетировал слова благодарности, придумал целую речь, но сейчас не мог вымолвить даже обычное «спасибо».

– Вам чего-нибудь хочется? – продолжила она процедуру обхода и наконец посмотрела ему в глаза.

– А вы могли бы со мной немножко посидеть? – неожиданно для себя попросил Витя.

– Конечно. Я просто не думала, что вам этого захочется. Агриппина Максимовна, я задержусь, – обернулась она к заведующей.

Та покачала головой и вышла из палаты.

Аня устроилась в ногах его кровати. От счастья он не мог произнести ни слова, язык будто парализовало, а мозг светло судорогой. На самом деле Вите больше ничего не было нужно, только смотреть на самое прекрасное в мире лицо. Он ужасно боялся, что Ане станет скучно молчать, она попросится и уйдет. Но страхи оказались напрасны. Девочка тараторила без умолку, и для поддержания беседы ей вполне хватало Витиных кивков.

Он слушал, как какая-то Лада нашла профессора Колду-

нова, и Аня сразу поняла, что это лучший в мире врач после Агриппины Максимовны и Печиборща, только услышав его голос по телефону. Как Ян Александрович отказался брать деньги за консультацию, потому что у него самого пятеро детей. Совершенно непонятно, как он их содержит с такими принципами, наверное, ему приходится очень трудно. Но ничего, она обязательно что-нибудь придумает, чтобы порадовать если не его самого, то детей. Старшие дочери, оказывается, учатся не в простой, а в музыкальной школе, за что Аня их очень уважает, у нее-то самой музыкальный слух отсутствует. Да и учится она, откровенно говоря, не супер, языки еще туда-сюда, а вот в математике не понимает совершенно. Как только видит формулы, у нее в голове что-то происходит и мозг отказывается ей повиноваться. Зато она хорошая спортсменка, занимается биатлоном, ходит в секцию вместе с подружкой и очень рада, что показывает результаты лучше ее, потому что в школе подружка – круглая отличница. А еще она решила, что поступит в Институт Лесгафта, будет учить детей физкультуре...

Витя никогда не думал, что Анна такая говорливая!

Он улыбался, глядя, как она то распахивает глаза, то смешно хмурится и быстро жестикулирует, и чувствовал, что стоит на пороге хорошей и светлой, как Анины глаза, жизни. Что вся черная тоска, вся муть, вся подлость и слабость его души остается в прошлом, и, даже если эта светлая жизнь будет очень короткой, даже если эти лекарства ему не помо-

гут, он умрет спокойным.

Глава четвертая

Тяжелая дверца духовки открылась с противным скрежетом, Олег Владимирович даже вздрогнул.

– А, я тоже терпеть не могу такие звуки, – улыбнулась Лада и достала противень с пирожками. – Плита старая, но я к ней привыкла.

Она с помощью деревянной лопаточки переложила пирожки на блюдо и пристроила противень в углу остывать. Потом несколько пирожков отложила в плетенку, а остальные накрыла льняным полотенцем.

Сочтя суп достаточно разогретым, Лада поставила на обеденный стол хлеб и салат и выключила газ. Потянулась было к буфету, но тут же отдернула руку.

– Все время забываю, что вы за рулем, – сконфуженно улыбнулась она. – Я, пожалуй, тоже с вами поем.

С гораздо большим удовольствием она дождалась бы Яна Александровича, но ей вдруг показалось, что если она не составит компанию Олегу, это лишний раз подчеркнет: он – всего лишь шофер, прислуга. Она наполнила густым куриным супом две тарелки и устроилась напротив Аниного водителя.

Тот поелозил ложкой, чтобы суп скорее остыл.

– Берите пирожки, с супом очень вкусно.

– А где Аня?

– Заявила, что без Колдунова ни за что не сядет за стол. Жаль, что вы торопитесь, поели бы все вместе.

Олег Владимирович, невысокий мужчина пронзительной внешности оперного Мефистофеля, служил у Сумарокова водителем около года и был у него единственным постоянным служащим. Остальная прислуга была проходящей: два раза в неделю – горничная, через день – кухарка. По мнению Лады, этого было слишком много. О, как она ненавидела богатство Валентина, которое сделало ее ненужной и посторонней для него!

Олег выполнял чисто мужскую работу, но его Лада тоже недолюбливала. Валентин любил водить сам, ангажируя шофера только на официальные переговоры. Поэтому Олег возил Аню, и Ладе давно не нужно было забирать ее из школы, как в прежние годы.

А один раз... Ладе до сих пор противно было об этом вспоминать.

Она гостила у Сумароковых, Олег Владимирович должен был куда-то ехать и изучал вместе с Валентином карту, прокладывая наиболее удобный маршрут.

– Ой, – вдруг сказал он, – что за дурацкое название! Улица Маршала Казанова.

Валентин расхохотался:

– Очки купи, маршал Казанова! Ка от Эн отличить не можешь!

– В самом деле, Казакова, а я-то думаю...

Он собрался и предложил заодно отвезти Ладу домой. Подавая ей пальто, Валентин хохотал, призывал ее к осторожности, «а то этот маршал Казанова... хотя какие твои годы, ты, Ладочка, присмотришься». Ладу передернуло – неужели Валентин готов отдать ее собственному шоферу? Неужели после всех этих лет считает, что ее место – рядом с ним?

– Очень вкусно, – сказал Олег и заработал ложкой.

Ел он быстро, но аккуратно, Лада даже загляделась. Через минуту она забрала пустую тарелку и подала второе – голубцы.

Зная, что Колдунов не может располагать своим временем, она специально приготовила такие блюда, которые можно разогревать без ущерба для их вкуса.

Себе она голубцов не положила – изобразила шоферу соседнюю трапезу, а по-настоящему поест с Анечкой и Яном Александровичем. Лада хлопотала возле кофеварки. Подумав немного, она завернула несколько пирожков в кальку и перевязала суровой ниткой.

– Вот, возьмите с собой, перекусите. Вы кофе какой пьете? Давайте я вам свой фирменный сделаю?

Олег кивнул:

– Спасибо, великолепный обед. Ого! – Он с легким ужасом посмотрел на большую чашку, над которой снежной вершиной торчали взбитые сливки, и тарелку с коричневыми булочками, пододвинутую Ладой. – Вы не забывайте, что после еды мне нужно будет еще дышать. Но как аппетитно пахнет,

отказаться невозможно! Маленькую плюшечку я, пожалуй, съем.

– Остальные приготовлю навынос, – улыбнулась Лада. – И кофе пейте. Как ни странно, жирный сладкий кофеек после обеда очень способствует пищеварению. Я сейчас включу вытяжку, можете закурить.

Покончив с кофе, Олег Владимирович вышел в коридор. Лада залюбовалась его фигурой, крепкой и ладной. Широкие плечи, стройные, хоть и не слишком длинные ноги с чуть уловимой кривизной... Валентин не требовал соблюдения дресс-кода, и Олег почти в любую погоду носил линялые джинсы и кожаную куртку. Зимой поддевал под нее свитер толстой вязки, в остальное время – футболки с картинками.

– Анна Валентиновна! – гаркнул он, застегивая молнию на куртке.

– Да? – Веселая вихрастая рожица выглянула из комнаты.

Аня заплетала длинные русые волосы в косу, но когда делала уроки, энергично скребла пальцами по темени, стимулируя умственную работу, и легкие выющиеся пряди, выбившиеся из прически, облачком веяли вокруг головы.

– Когда за вами заехать?

– Ой, не знаю, Олег Владимирович, как вам удобно... Вы делайте свои дела и возвращайтесь. В крайнем случае я сама поеду на тренировку.

– Да, я ее отвезу, а вы заберете, – вмешалась Лада.

Олег посмотрел на часы:

– Тренировка в шесть? Я должен успеть.

– Олег Владимирович, а мы Катю потом завезем домой?

Он пожал плечами:

– Анна Валентиновна, это лишний крюк минут на сорок.

Поймите, мне жаль вашего времени, не своего. Может быть, лучше посадим ее в такси?

– Ну пожалуйста. – Аня вышла в коридор. – Ей же будет обидно!

– Да куда я от вас денусь, – вздохнул Олег. – Все, побежал. Спасибо за обед, Лада Николаевна, сто лет не ел так вкусно. На днях забегу, почию вам дверцу, чтоб так жутко не скрипела.

Убрав со стола, Лада устроилась под вытяжкой с сигаретой. Этот несчастный Олег даже не спросил, нужна ли ей его забота. Может, у Лады и без него есть кому чинить духовки! Неужели у нее настолько заброшенный вид, что никому в голову не приходит заподозрить у нее наличие мужчины?

Она познакомилась с Вале́й Сумароковым на третьем курсе института в студенческом научном обществе и моментально влюбилась в высокого мужественного красавца. Разумеется, она полюбила его не за то, что он был очень похож на Жана Рено, а за светлый ум, неиссякаемое трудолюбие и оптимизм. Валентин тоже обратил на нее внимание:

Лада, несмотря на полноту, всегда была аппетитной и милой девушкой. Они быстро сдружились, вместе писали статьи и устраивали буйные студенческие вечеринки, когда Лада мама уезжала на дачу. Валентин всем и каждому говорил, что Лада – не женщина, а Эльдорадо, делал ей множество комплиментов, касающихся как ее внешности, так и недюжинного ума, но ни разу не попытался лечь с ней в постель. А она принимала дружбу за влюбленность, старательно наряжалась каждый день в институт и вообще жила, чтобы ему нравиться. Он говорил, что терпеть не может пластмассовых украшений на девушках, – Лада без колебаний выкидывала все свои побрякушки, хоть среди них было много симпатичных и дефицитных вещичек. Валентин ценил ее научные качества – Лада с утроенной энергией занималась в СНО, стараясь, чтобы у них не переводились общие темы для работы. Строго говоря, Валя был ее музой – только ради того, чтобы обратить на себя его внимание, Лада работала по десять часов в сутки, торчала в библиотеках и на дежурствах, так что к шестому курсу ей уже доверяли сложные интубационные наркозы и даже эпидуральные анестезии, в которых она по сей день оставалась одним из лучших мастеров. Он любил латиноамериканскую литературу и рок – Лада заставляла себя читать Гарсиа Маркеса и слушала его любимых рокеров, делая вид, что понимает глубокий смысл песен Кинчева и Цоя.

Рано или поздно он осознает, что лучше ее никого нет.

Не найдется в мире другой женщины, которая так бы ему подходила!

Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, и Лада увлеченно готовила сложные блюда, выверяя ингредиенты и совершая кулинарные манипуляции так тщательно, словно каждый суп был приворотным зельем.

Валя обедал, благодарил, и на кухонном столе раскладывались учебники, и головы склонялись не в поцелуе, а над страницей с формулами...

А потом он женился.

Лада чуть с ума не сошла, глядя на тощенькую малютку, занявшую ее место! Если бы хоть счастливая невеста была красавицей или такой же умницей, как Лада... Но Соня была тем, кем была, – средненькой медсестрой без тайных достоинств.

Белобрысая, с мелкими чертами лица, сухонькими ручками и ножками, она вызывала у Лады почти физическое отвращение и недоумение – как можно было предпочесть ей такое убожество? Соня работала постольку-поскольку, к знаниям не стремилась, о высшем образовании не задумывалась, а о Гарсиа Маркесе, кажется, даже не слыхивала. Хозяйкой, как вскоре выяснила Лада, приглашенная в гости к молодой семье на правах старого друга, Соня тоже оказалась никудышной. Порядок в доме царил далеко не идеальный, а обед так и вовсе показался ей отвратительным.

Почему? Он видел, что нравится мне, а выбрал *это!* Ни кожи, ни рожи, ни ума! Ладно, если бы хоть женился по расчету! Валентин приехал из Пятигорска и, конечно, заинтересован был в жилье. Но у Лады была хорошая квартира, а у этой – комнатуха в страшной коммуналке без ванной, где куски штукатурки сыпались с потолка пятиметровой высоты.

Когда родилась Анечка, Лада поняла, что ее любимый женился даже не по залету, и это только добавило ей горечи. Она чувствовала себя покинутой и никчемной и то ненавидела Валентина за то, что он предал ее любовь таким унижительным образом, то надеялась, что он вот-вот прозреет и поймет, какую совершил дикую глупость, то жалела себя и его.

Она по-прежнему дружила с ним и работала как проклятая, не забывая при этом модно и нарядно одеваться и готовить вкусные обеды. Ходила на разные концерты, в театры – словом, жила полной и интересной жизнью. Но все это не по зову сердца, а лишь для того, чтобы Сумароков, сравнивая ее с Соней, понимал, насколько лучшей женой стала бы ему Лада. А за это она без колебаний отдала бы весь свой сокосом подобранный гардероб, все научные статьи, красный диплом и место в аспирантуре.

«Это я должна была сидеть в халате и, вынув грудь в сетке синих вен, кормить Валиного ребенка! – хотелось ей закричать Соне прямо в лицо. – Ты украла мою жизнь!»

И настал день, когда Лада прошипела: «Чтоб ты сдохла!» – в дверь, только что закрытую за ней Соней. С тех пор она стала повторять эти волшебные слова словно заклинание. Человек, отнявший ее счастье, не имел права на существование.

– Если бы не эта моль, Валя бы на мне женился! – шептала она по ночам. – Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы Сонька подохла!

В злобе она даже никогда не говорила «умерла», будто Соня была не человеком, а вредным животным.

Но внешне женщины как будто очень любили друг друга. Лада переквалифицировалась из подруги Валентина в друга семьи, преданно заботилась о Соне, когда та лежала с тяжелым токсикозом, покупала приданое ребенку. И совершенно естественно вышло, что именно она стала крестной матерью Анечки.

Время шло, и вскоре Лада с удивлением обнаружила, что общается с Соней больше, чем с Валентином. Тот работал, появляясь дома только ночью. И кто помогал молодой матери ухаживать за ребенком? Кто катал коляску в парке, пока Соня занималась хозяйством? Кто развешивал пеленки, потому что низкорослая Соня не доставала до веревок, и варил супы, слушая между делом простецкие, чтобы не сказать глупые, рассуждения Сони о жизни?

В этой заботе была изрядная доля женского кокетства – Валентин поймет, что она никогда не была влюблена в него,

иначе разве стала бы дружить с его женой? Он увидит, что она гораздо выше всяких там влюбленностей и общается с Сумароковыми из чистой дружбы и близости интересов.

Когда Анечке исполнилось полгода, Соня умерла. Она не зря была такая маленькая и худенькая, оказалось, что у нее митральный стеноз – порок сердца, с которым рожать опасно. А уж когда женщина не знает о своем заболевании и живет как здоровая...

Почему ей не поставили диагноз во время беременности, когда она проходила обязательный осмотр терапевта? Наверное, сердечный шум списали на анемию, а может, врач вовсе не слушал ее сердце. Беременность и долгое кормление грудью истощили Сонин организм, в результате – пневмония, сердечная недостаточность...

Она умерла, оставив Ладу со жгучим, почти невыносимым чувством вины. Страстно желая Сониной смерти, она и подумать не могла, что ее желание так быстро сбудется. Ведь все ее «чтоб ты сдохла» были лишь формой снятия стресса.

Оставшись с ребенком на руках, Валентин растерялся. Его родители были уже пожилые люди и не справились бы с девочкой. Круглосуточные ясли? Няня? Самому взять академку и сидеть с ребенком? На что в таком случае жить?

Лада, как добрая фея, разрешила все проблемы. Вместе со своей мамой-пенсионеркой она полностью взяла на себя заботы о малышке. Лада хотела, чтобы Анечка и жила у них,

но мама запретила. Не потому, что не хотела слушать детский плач по ночам, просто она считала, что нельзя лишать дочь отца, а отца – дочери. Если, сказала мама, они с Ладой полностью избавят его от отцовских забот, то лишат огромного куска жизни. Поэтому утром Валентин завозил ребенка к ним, а вечером забирал.

Мама безропотно сидела с Анечкой, держала ее за внучку, но Ладиным поведением была недовольна. «Не входи в их жизнь! – шикала она на дочь. – Я с ребенком выручу, а ты собственную жизнь устраивай! Зачем тебе чужие объедки, свое бери!»

Но Лада верила, что Валентин рано или поздно будет с ней. Ах, насколько все было бы проще, если бы ему негде было жить! Тогда он додумался бы на ней жениться, хотя бы по расчету, а там и полюбил бы ее. Но Соня прописала его к себе, отдельное ей спасибо за это.

«Он тебе голову проморочит до старости, а потом возьмет какую-нибудь девку, – злилась мама. – Такую же мелкую, как Соня, мужики всегда западают на какой-то один тип. А ты, Лада, красивая, но не королева его грез! Найди себе мужа, пока не поздно».

Но где взять время на ухажеров, когда требуется то отвести Анечку на прививку, то купить ей комбинезон? Да и вдруг Валя влюбится в нее именно сегодня? Именно сегодня захочет сделать предложение, придет, окрыленный тем, что наконец-то полюбил лучшую женщину на свете?

По выходным они гуляли вдвоем, и Ладе становилось то радостно, что люди вокруг видят их и завидуют их счастью, то горько – оттого что на самом деле все было совсем не так.

Анечку она полюбила искренне, всем сердцем, не задумываясь, что в жилах девочки течет кровь мужчины, которого она безмерно любит, и женщины, которую страстно ненавидит... ненавидела.

Ладу ужасно мучило чувство вины, ведь это из-за нее Анечка осталась без матери... Значит, она должна стать лучшей матерью, чем Соня.

Валентин Аню обожал и любил повторять, что теперь она единственная женщина его жизни. Иногда Лада, набравшись храбрости, говорила, что ребенку нужна мать, но он отмахивался: «Не могу же я ради этого жениться на какой-нибудь мымре? А ты, Лада, прекрасно справляешься с ролью мамочки».

«Господи, – думала Лада, – когда же он наконец сложит два и два?»

Он быстро рос как ученый, к окончанию института у него было уже несколько предложений от зарубежных коллег, тем более Сумароков тяготел к чистой науке, и ему предлагали должности, не связанные с врачебной практикой, стало быть, не нужно будет подтверждать диплом. Лада со страхом думала, что пройдет год и он уедет навсегда.

Но тут произошло ничтожное событие, имевшее грандиозные последствия: в детском саду у Ани отняли роль Бело-

снежки.

Роль была ей обещана, девочка выучила все стишки, а Лада мама соорудила костюм, в точности повторявший костюм Белоснежки из диснеевского мультика. Лада специально выпросила у коллеги хороший фотоаппарат и обегала все магазины в поисках белых чулочек в красную полоску.

За два дня до представления роль передали девочке, у которой был богатый папа.

Аня рыдала, а Валентин рвался в детский сад уничтожить воспитательницу, Лада с мамой удерживали его буквально силой.

– Это что, если я бедный, каждая сука может в душу наплевать моему ребенку?! – орал он. – Значит, любая дочка торговца с рынка будет лучше моей? Чей папаша проплачивает, те умные и талантливые, а бедные пусть слезами умываются? Нет уж, хрен! Мою дочь никто больше не посмеет обидеть! Эта сука еще на карачках приползет к моей девочке с ролью в зубах, лишь бы только Анечка согласилась сыграть.

Лада и не думала, что Валентин примет детские обидки так близко к сердцу. Но он нажал на все педали, весь вечер висел на телефоне, то орал, то умильно ворковал, в итоге нашелся человек, способный воздействовать на коварную воспитательницу, и роль вернули. Предвкушая триумф, Валентин лично повел дочку в сад, чтобы присутствовать при восстановлении справедливости. Но Аня, услышав, что снова ведущая артистка, не обрадовалась, а сказала: «Нет, лучше

пусть Света играет. Я уже привыкла, что не буду Белоснежкой, а она расстроится».

Обалдевший Валентин, пережив шок, поклялся, что дочь не будет нуждаться ни в чем, ибо с таким характером она просто не выживет без защиты больших денег.

Он забросил науку и, пользуясь своими международными знакомствами, занялся торговлей медикаментами и медицинским оборудованием. Благодаря острому уму и интуиции быстро преуспел. Долго не выезжал из Сониной коммуналки, а потом разом купил элитную квартиру и построил загородный дом.

Чтобы ребенок постоянно дышал свежим воздухом, они с Аней поселились за городом, в коттеджном поселке под Сертоловом, и Ладина мама переехала туда, чтобы ухаживать за Аней и вести хозяйство. Выезжая, она приказала Ладе устроить личную жизнь, пользуясь отсутствием матери, но вместо этого Лада как заведенная навещала Сумароковых каждые выходные, а по будням встречала Аню из школы, кормила обедом и делала с ней уроки, пока Валентин не приезжал и не отвозил ребенка домой. Можно было отдать ее в школу в Сертолове, но Валентин предпочел дать ребенку образование в одной из лучших гимназий города, не смущаясь тем, что этот ребенок каждый день два часа проводит в машине.

Потом Ладина мама умерла. Валентин полностью взял на себя организацию похорон, был очень внимателен к Ладе. Может быть, хоть сейчас сообразит и скажет: «Давай вместе

горе мыкать?» – надеялась она, но чуда не произошло.

Он даже не позволил ей взять на себя хозяйство, наняв уборщицу и кухарку. Ладе оставалось только встречать Аню из школы и водить в секцию биатлона, которым девочка неожиданно увлеклась. А когда появился Олег Владимирович, отпала и эта обязанность.

Да, Валентин был привязан к Ладе, но он привык к ней как к доброй тетушке, на которую можно оставить любимую дочь и с которой время от времени приятно поговорить.

Он звонил примерно раз в две недели, вздыхал: давно мы не виделись, я так соскучился, – и Лада с трясущимися руками и колотящимся сердцем собиралась в гости, примеряя кучу нарядов и по сто раз перекрашивая лицо...

Она жила в одном шаге от счастья, но этот шаг, к сожалению, сделать должна была не она.

Лада хотела было налить себе стаканчик вина, чтобы развеять мрачные мысли, но в кухню вбежала Аня.

– Да где же Ян Александрович? – спросила она весело. – Я все уроки сделала. Одну задачку по алгебре не поняла, но не стоит и пытаться, завтра у Кати спишу.

– Аня!

– Может, тогда ты мне объяснишь, в чем там суть?

– Ладно, спиши, – быстро согласилась Лада. – Честно говоря, сама я перестала делать алгебру в шестом классе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.